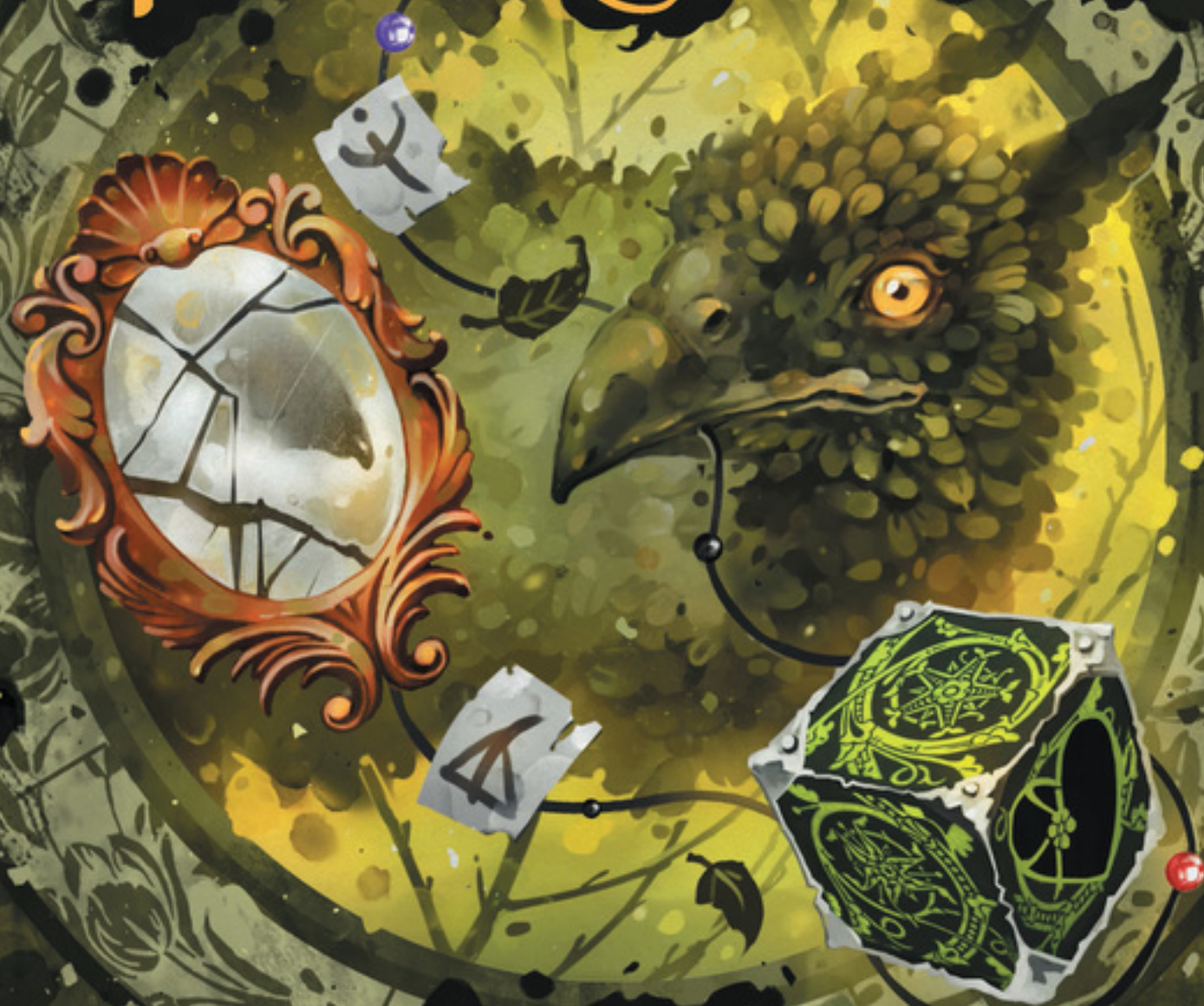

АНТОН
СОЯ

ВИЦХАНТЕРЫ

ИНКАРНАЦИЯ
ВИКИ

Витчхантеры

АНТОН СОЯ

Инкарнация Вики

«РОСМЭН»

2017

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Соя А. В.

Инкарнация Вики / А. В. Соя — «Росмэн»,
2017 — (Витчхантеры)

ISBN 978-5-353-08407-5

В город, зыбкий, как мираж, под холодное небо, с которого бесконечно сыплется снег, сбивая с толку и с пути, после короткого отсутствия возвращается девочка Вики. Но тот ли это город? На первый взгляд – тот самый. Почему же тогда Вики кажется, что она сходит с ума? Почему она чувствует себя запертой в кривом отражении собственного мира, где все обман и подделка, где страшный сон мешается с кошмарной явью? Скорее бы очнуться! Сумеет ли Вики выбраться из морока в реальность и остановить монстра, уничтожающего все самое дорогое и любимое, что было и пока еще есть в ее жизни?

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08407-5

© Соя А. В., 2017

© Росмэн, 2017

Содержание

От автора	7
От героини	9
Элемент пазла № 1	11
Элемент пазла № 2	13
Элемент пазла № 3	19
Элемент пазла № 4	25
Элемент пазла № 5	31
Элемент пазла № 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Антон Соя

Витчхантеры

Инкарнация Вики

В серии «Витчхантеры» вышли книги:

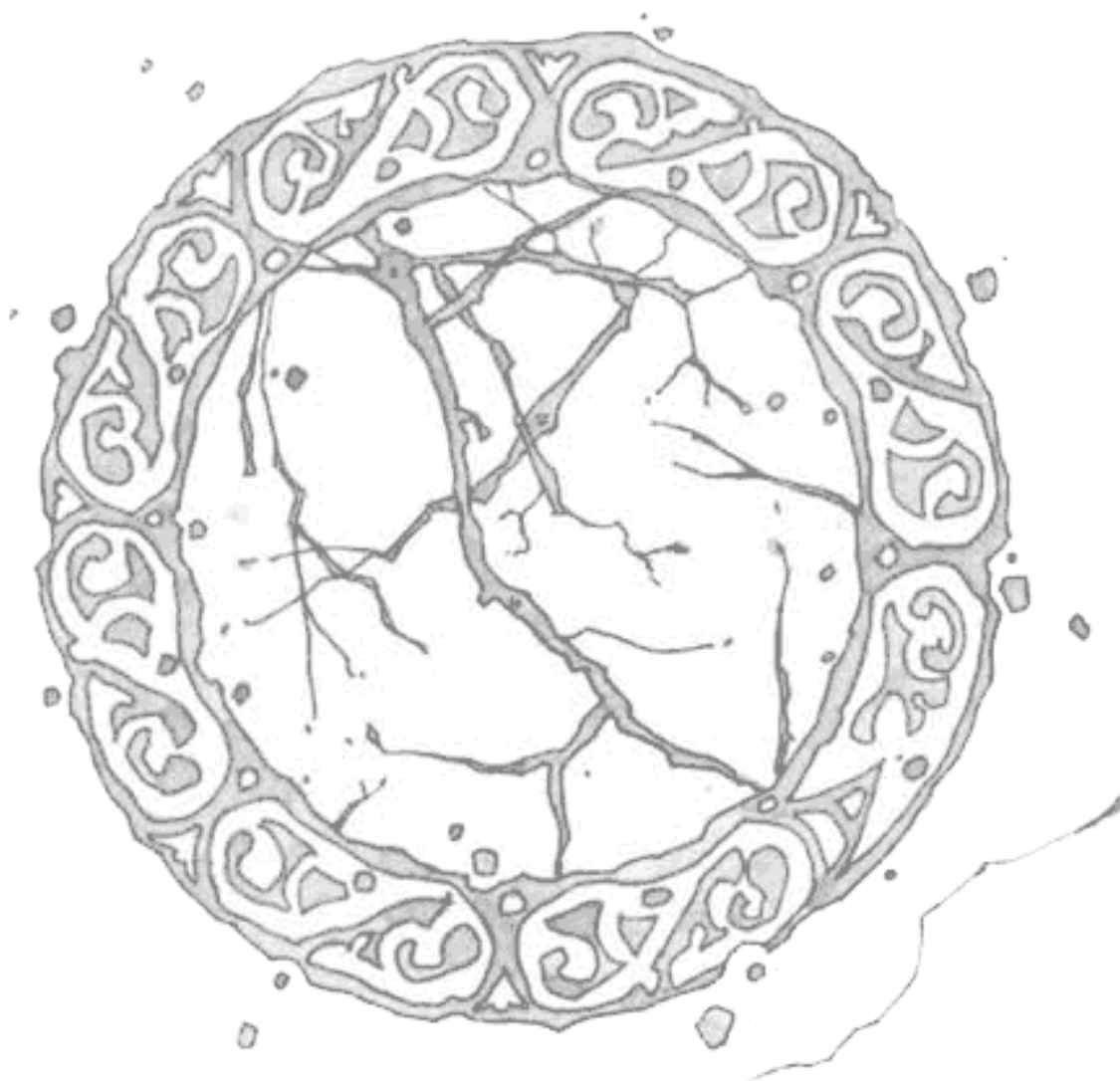
1. Идентификация Вики
2. Инициация Вики
3. Инкарнация Вики

Блэк-урбан-фэнтези

© Антон Соя, 2017

© ООО «РОСМЭН», 2017

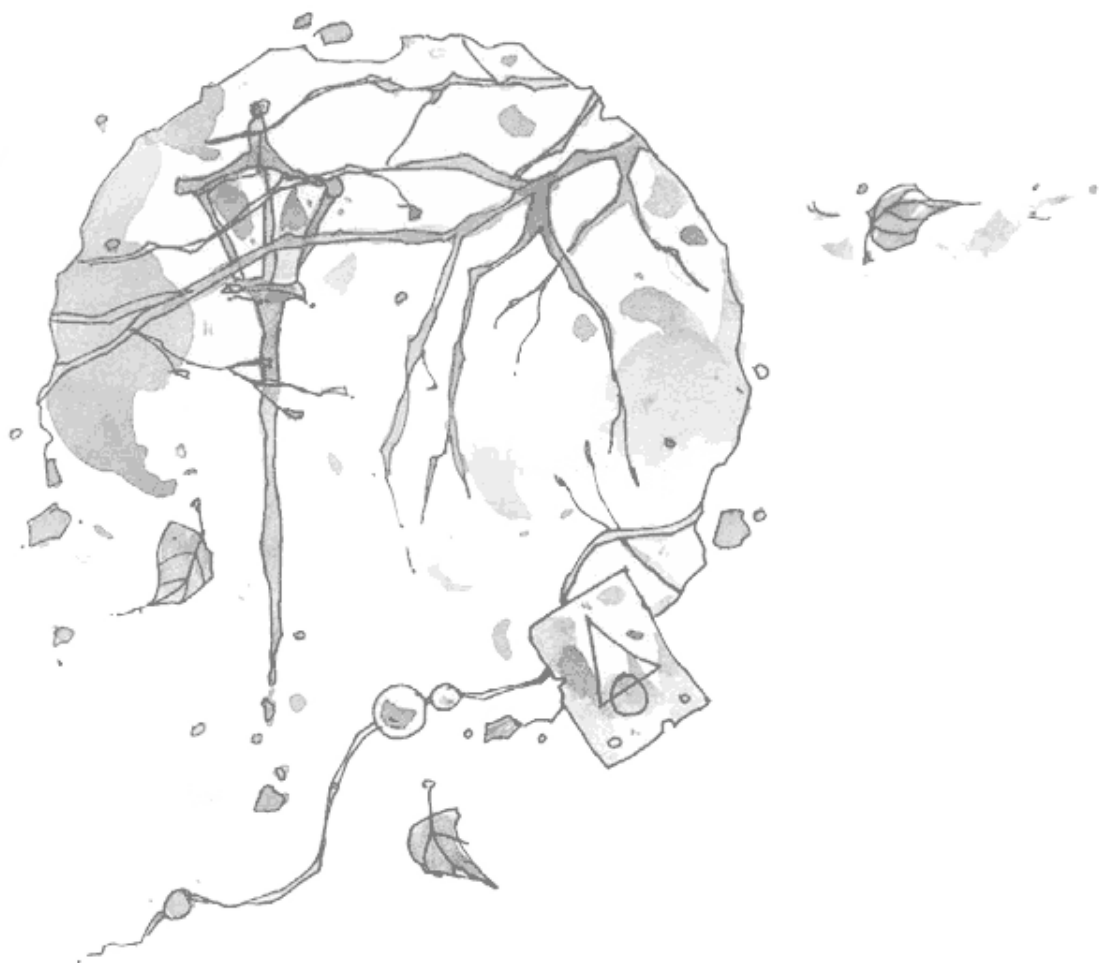
* * *

Любовь и Смерть воюют вечно во Вселенной.

*А мы лишь пыль на их военных сапогах.
Но даже пыль способна сделать выбор.
И смыслом жизнь свою короткую заполнить.
Смерть никогда не победит Любовь —
поставьте ударение по вкусу,
оно здесь не изменит ничего.
Таков порядок хаоса Вселенной.*

Антон Соя

От автора

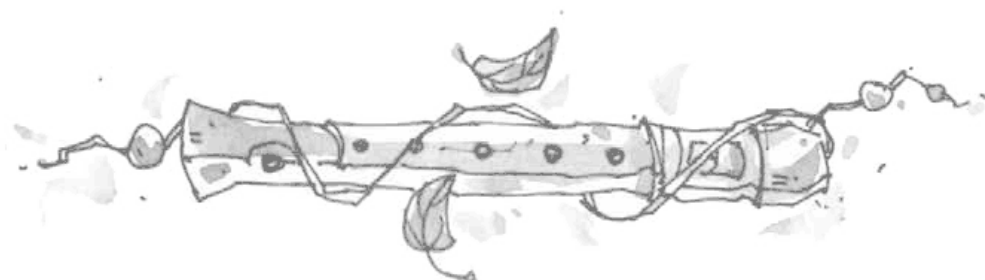
Я родился в стране, которой больше нет, в городе, которого теперь нет на карте, в роддоме номер тринадцать.

Я родился, вырос и живу в самом мистическом месте на Земле. В темном и сыром городе, где по Невскому проспекту когда-то носился сбежавший от хозяина Нос, а Медный всадник скакал по затопленным улицам; где Раскольников с окровавленным топором заблудился в коридорах будущих коммуналок, а старая графиня до сих пор является питерским игроманам в тревожных снах, зловеще бормоча: «Тройка, семерка, туз».

Я вырос на берегу узкого и мелкого канала Грибоедова, где каждое утро здоровался с золотыми крылатыми львами на скрипучем деревянном Банковском мостике. Я ползал в колготочном детстве по ступеням Казанского собора и согревался снежными зимами дыханием кондиционера у входа в Дом книги. А синими вечерами я, трехлетний малыш, ежился под одеялом в темной комнатке полуподвальной квартиры во дворе-колодце, мучительно выбирая, чего я боюсь больше – черных рук теней, тянущихся ко мне по стене из-за шкафа, или страш-

ного лица ведьмы, которая обязательно выглянет из моего сна. Поэтому не стоит сильно удивляться тому, что из меня получилось.

Мистика, фантазия, сверхъестественное, называйте эту сторону жизни как вам больше нравится, – для меня она с детства неотделима от реальности. Я рос, но мое отношение к мистике только укреплялось. Я предпочитаю веру отрицанию и знаю, что в мире, который мы нагло считаем нашим, возможно все. За мою жизнь со мной происходило столько всего необъяснимого, что впору написать десятки книг по мотивам реальных событий. Эта книжка всего лишь одна из них, и я искренне надеюсь, что прототипы героев, узнав себя в них, не станут сильно обижаться на автора. Хотя на всякий случай я подготовил пару-тройку защитных заклинаний.

От героини

Я могу найти все что угодно. Достаточно просто закрыть глаза и представить себе предмет поиска. Я вижу в глазах людей их настоящую сущность. Я могу превратить их в хомячков или змей. Могу летать. Могу создавать новые волшебные миры. Влюбить в себя кого угодно. Единственное, чего я пока никак не могу, – быть счастливой.

Моя боль не проходит. Она со мной каждую секунду. Потому что она – моя судьба. Мой проклятый талант – чувствовать боль, которую я причинила своим любимым. Великий подарок от Первородного, от которого я не смогла отказаться, потому что я – Виктория Адамсон, Королева витчхантеров, спасительница мира Людей, Колдунов и Древних. И знаете, что я думаю по этому поводу? К черту такие подарки, к черту мировую справедливость и к черту вселенскую гармонию!

Элемент пазла № 1

Дневник Вики.

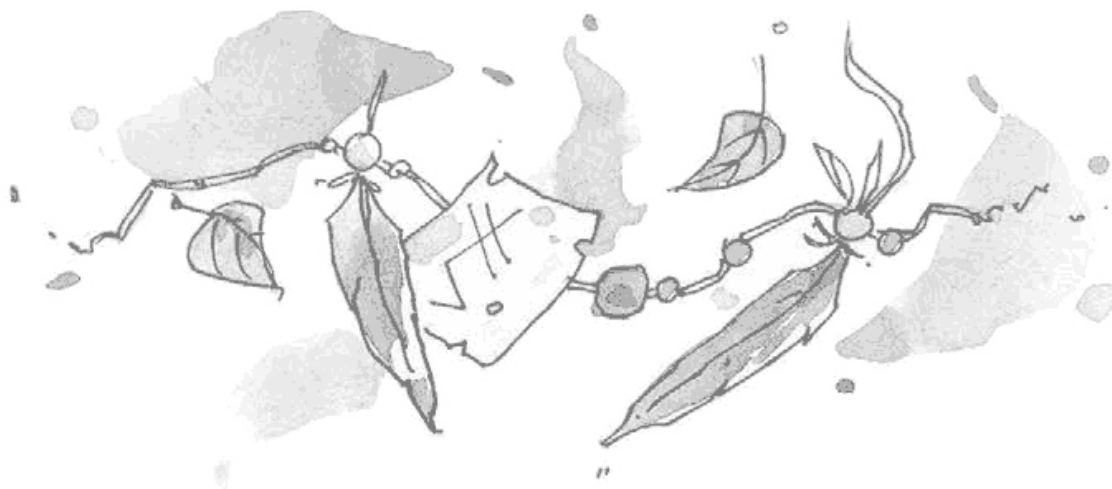
2 января 201? года

Привет, дневник. Меня всю трясет, буквы скачут, словно пляшут тарантеллу. Издеваются надо мной. Сажу в поезде, летящем из Выборга в Питер, и пытаюсь успокоиться. А лучшего способа успокоиться, чем писать в своем дневнике, я не знаю. Изолью в тебя свою ненависть, дневничок. Терпи, бумага, терпи!

Я выскочила в Выборге из поезда «Аллегро», убитая страшной догадкой, – во всех моих бедах последнего времени виновата моя любимая бабушка Люба! Ну, для кого бабушка, а для кого и Великая мать. Это она стояла за страшными убийствами ведьм перед Новым годом, она манипулировала Шкатовым, она рвалась на трон витчхантеров, прикрываясь мной. И вот теперь она сослала меня в финские леса, чтобы безнаказанно проворачивать в Питере свои темные делишки. Это из-за нее чуть не погиб Цой... Хотя почему не погиб? Для всех, кроме меня, Вани и Кати, его больше нет. Бедный Цоюшка, каково ему теперь мерзнуть в вампирском теле, вечно алчущем крови? Но Цой сейчас хотя бы с Анжело, и его не мучают совесть и одиночество. Меня же переполняет гнев, желание отомстить и безумная отвага. Полная решимости положить конец грязным проделкам бабы Любы, я лечу на электричке в Питер, еще не зная, как именно все это прекращу. Меня душат слезы. Доберусь до города, а там сразу в больницу к старой ведьме. Слышишь, баба Люба? Я еду к тебе! Я так зла, что, наверное, разорвала бы тебя на мелкие клочки или сожгла взглядом, как Шкатова, попадись ты мне на глаза прямо сейчас. Но нет. Сначала ты ответишь мне на все вопросы, подлая предательница! А ведь я так любила тебя! Меня предала Любовь! Символично, черт побери.

Перед глазами крутятся разноцветные круги. Но это не от голода, хотя я ничего не ела с утра. Кусок в горло не лезет. Круги от дурацкой вспышки. Зачем вообще пользоваться вспышкой в солнечный зимний день, когда никуда не деться от морозного солнца, отраженного синим снегом? Я даже не разглядела как следует этого болвана на перроне, ослепившего меня своим фотоаппаратом! Вспышка бахнула, словно взрыв в моей и так уже основательно взорванной голове. И мир на мгновение исчез. Я даже обрадоваться не успела, как он появился обратно. А с ним эти чертовы круги перед глазами. Сначала черные на желтом. Потом синие. Теперь вот

разноцветные. Но мне плевать на них. Пусть крутятся. Я еду домой наводить порядок. Жди меня, баба Люба!

Элемент пазла № 2

Электричка «Выборг – Санкт-Петербург».

Финляндский вокзал

Чем дальше Вики отъезжала от Выборга, тем меньше становился градус ее ненависти к бабе Любе. И тем больше вопросов роилось в ее мыслях. Она вспоминала мягкие добрые руки бабушки, с пяти лет взявшие ее под свою защиту. Теперь у бабы Любы всего одна рука. Вторую она потеряла, защищая ее от Шкатова. Маньяка, которым, как считала Вики, бабушка сама же и манипулировала. Нестыковочка какая-то... Во всем этом необходимо разобраться. Злость выходила из Вики, словно пар из кипящего чайника. Нахлынули воспоминания. С бабой Любой ей всегда было хорошо. И в башне, и в Италии. С бабушкой она проводила гораздо больше времени, чем с отцом и Ма-Машей.

Бабе Любе она могла доверить любую тайну. Это бабушка читала ей в детстве волшебные книги; это она преподавала ей столько магических тонкостей, научила летать, открыла секреты нового мира Вики... Неужели все это было только для того, чтобы занять черный трон?

«А вдруг я ошиблась и снова совершаю ошибку, которая опять потянет за собой шлейф трагических последствий? Вечно я лечу впереди паровоза. Может, сначала посоветоваться с Ваней и Катей? Люди Зверя меня не встретили – значит, он уже в курсе моего побега. Или считает, что меня похитили. Родители тоже наверняка в курсе. Наверняка кто-нибудь из ордена на всякий случай дежурит на вокзале».

Вики не ошиблась. На Финляндском вокзале ее действительно ждали. У головы электрички стоял Цой со спортивной сумкой на плече, в папиной военной летной куртке, слегка пританцовывал на морозе и улыбался ей во все свое широченное лицо.

Цой, которого они в Новый год вырыли из могилы! Цой-вампир, который улетел вместе с Анжелю и которого она уже никогда не чаяла увидеть! А где Анжелю? Может, он тоже здесь? Нет, Цой был один. А из его улыбающегося рта едва заметными облачками вырывался пар. Цой дышал. Но как? Как?! От такого сюрприза ошалевшая Вики забыла, зачем она вернулась, и бросилась другу на шею. Щеки у Цоя были ожидаемо холодными, но губы горячими – живыми и влажными. Цой смешно смутился от неожиданно бурных проявлений чувств подруги. Так она его никогда не целовала. Так его еще вообще никто не целовал. Цой попятился и аккуратно поставил на перрон висящую на нем Вики. Смущенно вытер губы, посерьезнел и тихо спросил:

- Эй, Вик, ты чего? Сначала просишь встретить, потом лезешь целоваться. Ты в порядке?
- Цоюшка, родной! Я так рада, что ты... Кто тебя оживил? Я не сплю? А где Анжело?

Вы вместе здесь? Или ты один?

Цой еще не видел маленькую Вики в таком возбужденном состоянии: скачет перед ним, как бешеная белка, синие глаза блестят сапфирами, несет какую-то ахинею – «оживил», «Анжело». Может, это наркотики?

– Вики, успокойся. Я правда ничего не понимаю. Я один. Ты позвонила и попросила встретить тебя из Выборга. Что ты там, кстати, делала? Ты никакие опасные вещества не принимала?

– Позвонила? – Вики машинально заглянула в телефон, прекрасно понимая, что она не могла звонить Цою.

В «исходящих» стоял телефон Цоя. Что за глупые шутки?

Вики заглянула другу в глаза. В его живые глаза! Ничего нового – любовь, преданность, покой. Чистая душа ее друга была на месте. Это был Цой, живой Цой, не фантом, не оптический обман, не «подменыш». Но как такое могло быть? И почему он не понимает ее вопросов?

Некоторое время они шли молча. Цой никогда не был говоруном, а сейчас ему совсем не хотелось болтать. На его губах горел поцелуй любимой девушки, о котором он даже не мечтал. И ни о чем другом он сейчас думать не мог. Сумасшедшая! Она всегда была немножечко «того» – может, она его поцеловала потому, что безумие усугубилось? Или это ее новая игра, правил которой он пока не знает? Поцелует ли она его так еще хотя бы раз?

Перед входом в метро они одновременно заговорили.

– Слушай, Вик...

– Цой...

– Извини, Вик. Говори ты.

– Да я даже не знаю, с чего начать. Ты давно э-э... – Вики замялась, подыскивая деликатное слово, – вернулся?

– Куда?

– К нам?

– Да я вроде никуда и не уезжал. Сборы у меня только весной. А сейчас каждый день тренировки. Это Ваня с родителями в Германии. Завтра прилетит. Ты точно ничего не принимала? – Цой участливо посмотрел на Вики.

Может, это у нее от мороза? Бегаешь, дуручка, без шапки, а на улице минус пятнадцать.

– Ничего не принимала. – Вики так же участливо смотрела Цою в миндалевидные глаза. – Просто я рада тебя видеть, Олег!

– Здорово! Вчера же вроде виделись. Даже чаю выпили.

Похоже, у него амнезия... Вики опять потянулась к лицу друга, и он весь напрягся, ожидая поцелуя. Но вместо этого она отогнула его шарф на шее и с любопытством заглянула за воротник. Шрама не было. Вики отпрянула от юноши. Одновременно с испугом к Вики пришло осознание, что у нее тоже кое-чего не хватает. Она схватилась за ухо – ни Уробороса, ни даже следа от дырочки. Сняла перчатку – да, так и есть, еще и кольцо Анжело бесследно исчезло с безымянного пальца левой руки! А вот это девочке уже совсем не понравилось. Кто-то обокрал ее. Разоружил. Может, старуха продолжает ее контролировать?

– Кто еще из ордена знает, что я здесь? – нервно спросила она у Цоя, с тревогой наблюдающего за ее действиями.

– Чего?

– Кому ты доложил о моем звонке? Па и Ма в курсе?

На слово «доклад» Цой отреагировал адекватно, «по-пацански», – смертельно обиделся.

– Знаешь что, подруга! Ты просила – я тебя встретил. А эти твои задвиги я чего-то не догоняю. Извини, но мне пора на тренировку. Проспишься – поговорим.

Цой, резко развернувшись, великанскими шагами затопал на трамвайную остановку. Вики проводила задумчивым взглядом воскресшего друга и впала в ступор.

Ситуация вырисовывалась странная. С кем-то нужно было срочно посоветоваться. О воскресшем Цое можно было говорить только с двумя людьми на Земле. Ваня на звонки не отвечал. Даже в вайбере. Вики решила набрать Катю. Плохо, что ее номера почему-то не было в записной книжке телефона. Хорошо, что Вики помнила его наизусть.

– Привет! Кто это? – услышала Вики из динамика знакомый бодрый голос красноволосой экстремалки.

– Привет, это я! Ты знаешь, что Цой жив и вернулся? Я только что видела его на вокзале.

– Что за глупые приколы? Делать нечего? Даже не смешно.

Катя отключилась и больше не брала трубку, несмотря на терпеливые звонки Вики. Забавила ее, наверное. Девочка в полной растерянности застыла (во всех смыслах этого слова) у входа в метро. Мимо нее шли потоки хмурых зимних людей с электричек и на электрички. Стемнело до сумеречной синевы. Нужно было что-то решать.

Хватит мерзнуть! Совсем не обязательно ехать сейчас в больницу к Любе. Тем более что там карантин. Надо ехать домой, поговорить с родителями и Филом. Баба Люба никуда не денется до завтра, а мне сейчас нужна поддержка, решила Вики. Заодно совру чего-нибудь, почему я вернулась. Живот заболел, например. Или паническая атака. Про предсказание пока никому ни слова.

Приняв решение, Вики, как простая смертная, покорно зашла в метро. Можно было, конечно, полететь, но с первого раза почему-то не получилось: в глазах потемнело, ноги от земли не оторвались, а больше пытаться она не стала. В метро Вики почувствовала себя неимоверно усталой. И немудрено – эмоциональные переживания выматывают гораздо сильнее тяжелой физической работы, а за сегодня она пережила их уже столько, сколько другие – за целую жизнь. Но переживания совершенно не спешили заканчиваться.

Выйдя из лифта и взглянув на дверь в башню, Вики поняла, что дома никого нет. Тихо и темно. Ключи в Финляндию она с собой не брала, чтобы не потерять их. Ну, Фил-то наверняка дома, пусть и открывает. Вики позвонила в старинный звонок. В ответ на его дребезжание через пару секунд послышался противный звук. Кто-то драл когтями обшивку двери.

– Фил! Я вернулась. Открывай скорее.

И снова кто-то стал царапать дверь, на этот раз еще и мяуча.

– А, так это кошка-зомби. Она вряд ли мне чем-то поможет. А Фил, наверное, где-то шляется или на собрании ордена...

Расстроенная, Вики засунула руки в карманы и – о чудо! – наткнулась в правом на ключ.

«Ну и замечательно, значит, я хотела его оставить и забыла, – обрадовалась она. – Вот и молодец».

В темноте прихожей к ее ногам бросилась кошка. Стала тереться и мурчать в голос. Оголдала, зомбичка. Вики включила свет и обомлела. Об ее ноги терлась не зомби, а одноглазая Матильда собственной персоной. Вот тебе и раз! Вернее, два, если считать Цоя. На том свете День открытых дверей? Вики, не раздеваясь, схватила Мотю на руки и закружилась с ней в радостном танце.

– Мотя! Мотя! Королева ты моя крысиная! Ты вернулась! Как же это здорово, что я никуда не поехала! Но кто все это устроил? Кто меня так любит?

Матильде явно не нравились бальные танцы, и она замыкала еще жалостнее и противней. Пришлось ее отпустить. Но почему она мяукает словно обычная кошка, а не разговаривает с ней?

– А ты почему меня не встречаешь, магистр? – обратилась Вики к Филу, который совершенно спокойно сидел в своей клетке, уныло хлопая желтыми глазами.

Но это ладно. Неладно было другое. Рядом с его клеткой стояла еще одна, в которой как ни в чем не бывало сидела Карма и нагло глядела на нее антрацитовыми бусинами глаз.

– Кра, – поздоровалась с хозяйкой Карма.

– Да что тут у вас вообще происходит?

Рассвирепевшая Вики схватила клетку с вороной и встрясла Карму на подоконник ближайшего окна. Ворона непонимающе уставилась на нее.

– Больше ты меня не обманешь! Ну надо же, какая наглая тварь! Здесь ты больше жить не будешь! Вали к Цою!

Вики с трудом распахнула окно и выпихнула цыганку-интриганку на покрытый льдом отлив¹:

– Чтоб я тебя здесь больше не видела! И вообще, чтоб я тебя больше нигде никогда не видела!

Окно с треском захлопнулось. Грустная Карма, вцепившись когтями в лед, недоуменно смотрела сквозь морозные узоры в комнату, где Вики продолжала допрос упрямо молчащего магистра.

– Фил! Предатель! Как ты мог это допустить? Ведь ты своими глазами видел, что она сотворила с Авессаломом. Ей же совсем нельзя верить. Что она опять наплела? Молчишь, потому что стыдно? Да хватит уже играть со мной в молчанку! Вы что, все сговорились, что ли? Хотите свести меня с ума?

Филин прикрыл свои огромные глаза-фары и отвернулся от кричащей девочки. Резкие перепады эмоций от бурной радости свидания с Цоем и Матильдой до яростного гнева на всех вокруг довели-таки Вики до истерики. Такое с ней случалось нечасто. Она посмотрела на себя со стороны и очень себе не понравилась.

«Хватит орать на птицу, – твердо сказала она себе. – Хочет молчать – пусть молчит. Лучше покорми ее и кошку заодно. Может, их кто-то заколдовал!»

А может, кто-то заколдовал ее? Или она просто заснула в электричке и все еще крепко спит. Вики сильно ущипнула себя за руку и тут же вскрикнула от боли. Не спит – уже хорошо. Значит, это колдовство. Кто-то заколдовал ее или всех вокруг. Вернул Цоя и Матильду. Кто-то очень сильный из магов не на шутку запарился, пока ее здесь не было. Но зачем? Вики почувствовала себя беззащитной маленькой девочкой, и ее рука сама потянулась к телефону.

– Па, это я. Не пугайся. Со мной все нормально, – затараторила Вики. – Просто живот резко заболел в поезде, я вышла в Выборге и вернулась. А тут все очень странно. На вокзале меня встретил Цой. Живой Цой. Дома Матильда и Карма. Фил со мной не разговаривает. Что все это значит?

– Что? У тебя болит живот? Что ты ела? – Отец явно был где-то далеко, голос шел со страшными помехами.

– Ерунда. Уже все прошло. Ты скоро придешь?

– Что-что? Приедем, как и собирались, – послезавтра. Рейс из Гонконга. Посмотри сама в интернете, когда мы прилетим. Маша тебя целует. Ты уверена, что с животом уже все нормально?

– Угу, норм. Когда это вы улетели в Гонконг? Мы же с утра виделись? Ну хоть фантомы свои можете прислать?

– Что-что? Чего прислать? Не пугай меня! Связь плохая. Я по скайпу или вайберу попробую тебе набрать позднее. С животом не шути. Вызывай «скорую», если что.

¹ Отлив в данном случае – внешний металлический подоконник.

Папа отсоединился. Бред какой-то. Не могут они быть в Гонконге – туда лететь дольше, чем прошло времени с их утреннего прощания на вокзале. Семь часов назад она их видела. Да и не собирались они никуда. Что за чертовщина? У Вики зазвонил телефон. Помяни черта, он и нарисуетя. Звонила баба Люба.

– Привет, внученька!

– Отлично! Ты-то мне и нужна. Знаешь уже небось, что я дома, – накинулась Вики на Великую мать. – Признавайся – твоя работа? Ты наколдовала?

В трубке повисло молчание.

– Зачем ты устроила это представление? Чтобы показать мне свою силу? А я ведь любила тебя! – Вики чуть не плакала.

– Так, – баба Люба в трубке была явно не на шутку напугана, – похоже, дети правы. Ты чем-то отравилась. Успокойся, деточка, у тебя обычные галлюцинации. Скажи мне честно, что ты съела? Или, может, выпила? Я надеюсь, ты не курила? Скажи, милая.

– Какая трогательная забота. Завтра в больнице я тебе все скажу, – угрожающе сказала Вики. – И покажу!

– Ты в больнице? – всполошилась Люба.

– Заканчивай этот цирк, старая ведьма. Я все про тебя знаю. Ты была кукловодом Чистильщика. Ты специально спланировала меня в лес, чтобы занять мой трон. Мне показали недостающую часть предсказания. Вот так!

– Ой-ой-ой! Плохо дело. Диссоциированный бред пошел. Тебе срочно нужно вызвать рвоту, Вики! Ты слышишь меня? Немедленно иди в туалет и постарайся вытошнить из себя все без остатка!

– Мудрый совет Великой матери! Магия рвоты! Особо стараться не придется – меня уже тошнит от тебя! – Вики бросила трубку, вполне довольная собой.

Она смело сказала бабе Любе почти все, что хотела. Выдала виновнику своих бед все, что наболело. Вроде бы теперь ей должно стать легче? Только неприятный осадок от собственного хамства все равно остался. Ну и что же теперь делать дальше?

«Накормлю-ка я своих питомцев», – решила Вики.

Да и себя неплохо было бы покормить – целый день все-таки не ела. В животе противно заныло, а потом и вовсе заурчало, совершенно не по-королевски.

Тук-тук-тук! – а это уже в ушах.

Вики прислушалась.

В окно снова тихо, но настойчиво постучали. Это замерзшая Карма методично долбила клювом стекло.

– Вот наглая тварь, – поразились Вики, почувствовав легкий укол совести. Птицу, как ни странно, было жалко. Стараясь не думать о том, что она делает, Вики открыла окно и запустила замерзшую ворону внутрь. Карма дрожала на подоконнике, обиженно глядя на хозяйку. В ее черных глазах читалось полнейшее непонимание происходящего.

«Прямо как у меня», – подумала девочка.

Элемент пазла № 3

Башня на улице Бармалеева

Холодильник поразил Вики удивительной пустотой. Словно его только что ограбили вежливые гномы и, чтобы на них не сильно обижались, оставили на средней полке бумажную коробку из-под пирожных, в которой чудом уцелела одна ромовая баба.

«Ничего себе! Они что же, всю еду с собой в Гонконг забрали? Во дают», – мысленно ворчала голодная Вики, уминая ром-бабу с чаем. Пирожное оказалось почти свежим. Максимум вчерашним. Вкус прошлой жизни. Раньше ее друзья, Ваня с Цоем, не приходили к ней без ромовых баб. Такая у них была дивная традиция. Раньше – это почти полгода назад, до войны с крысами и ее несостоявшейся коронации. Тогда все было так просто. Три неприкаянные личности делились друг с другом горестями и радостями, читали стихи, мальчишки тайно вздыхали о ней, а она мечтала о внимании Федди. Полгода – или целую жизнь назад. За это время произошло столько разных событий – страшных, грустных и прекрасных, – что Вики напрочь забыла свою жизнь до них. Теперь у нее миссия вселенских масштабов, Ваня погряз в любви, а Цой дважды вернулся с того света. И ром-баба тоже откуда-то вернулась. Однако одного пирожного оказалось маловато юной ведьмочке, ничего не евшей весь день. Ладно, сейчас чего-нибудь наколдуем. Еще пару пирожных, например. Но, к удивлению Вики, простейшая кулинарная магия ей не удалась. Раз за разом она повторяла заклинание, но вместо желанных сочных пирожных появились только злосчастные круги перед глазами, заболела голова, болезненно и неприятно засосало под ложечкой, и маленькая колдунья-неудачница отчетливо поняла, что еще немного, и она потеряет сознание. А это совсем не входило в ее планы. К тому же ей показалось, что сытые Фил и Матильда тихонько смеются над ней за ее спиной.

«Это все от усталости. Утром наколдую себе целую кучу вкусностей», – решила Вики и отправилась по винтовой лестнице вверх, чтобы принять ванну. Но и в любимом месте уединения ее ждал неприятный сюрприз. В ванной комнате на голубом кафельном полу лежали дурацкие розовые тапочки в черную черепушку, которые она лично выбросила на помойку после своего «чудесного» шестнадцатилетия. Разозлившись, Вики с силой пнула их так, что они улетели к стиральной машине, открыла воду и забралась в чугунную ванну на львиных лапках. Она любила лежать там и смотреть, как набирается вода из старинного широкого и плоского медного крана. Сначала немножко холодно, потом привыкаешь. Струя сильная, ванна наполняется быстро, а горячая вода всенепременно снимет любую усталость, смоем любой стресс. Вот только бы не заснуть тут в этой нирване. Но сегодня расслабиться не получилось.

Одновременно с водой, подобравшейся к подбородку откинутой на край ванны головы Вики, девочке пришла страшная догадка, которую немедленно нужно было проверить. Выскочив из ванной комнаты с мокрой головой, замотанная в большое полотенце с Муми-троллем, Вики помчалась вверх в свою спальню к компьютеру и зашла на свою страничку ВКонтакте. Предчувствия ее не обманули. Кто-то взломал ее страничку и непостижимым образом накидал туда постов от ее имени, чего она точно не делала уже пару месяцев. В принципе никакого криминального трэша там не было. Пара копипастов умных мыслей известных писателей, ну и новости о выходе музыкальных альбомов ее кумиров и их клипы. И да, Вики естественно слушала новый «Radiohead», но точно знала, что не вывешивала его здесь. Видимо, это сделали те же добрые гномы, что сожрали всю еду в холодильнике, вернули с помойки тапки и... И воскресили Цоя с Матильдой? Вики докрутила записи на стене до своего дня рождения. Да, она вроде бы помнила эти поздравления с нелепыми котятами и цветочками от ее виртуальных друзей, часть из которых она вообще никогда не видела. А вот поздравление от Федди, которое ее тогда так удивило, исчезло.

Кто-то подкорректировал ее реальность, в том числе и виртуальную. Этот «кто-то» играл с ней в игру с непонятными, одному ему известными правилами, и девочке это совершенно не нравилось. Вряд ли баба Люба причастна к взлому ВКонтакте. Значит, у Вики в этом мире есть еще таинственные враги, которые пытаются свести ее с ума. Хотя, с другой стороны, эти загадочные враги воскресили Цоя и Матильду, и за это можно простить им и тщетные попытки применить магию, и пустой холодильник, и Карму в клетке, и тапочки, и родителей в Гонконге, и даже взлом странички. Может, все это плата за воскрешение друзей? Тогда ладно, она готова примириться с небольшими нестыковками с реальностью. Например, с этим платьем, висящим на спинке стула. Платьем, которого она никогда раньше не видела. Нет, все-таки ее очень бесят эти сюрпризы!

На кухне зазвонил мобильный телефон, который она оставила на столе. Сил тащиться вниз совершенно не осталось, но пришлось. Вдруг это папа вышел на связь по вайберу? Так и есть.

– Привет, коза-дереза! С легким паром! Как твой живот?

Улыбающиеся лица родителей немного успокоили Вики. Па как Па, а вот у Ма-Маши новая прическа. Когда это она подстричься успела? Ладно, бог с ним, хоть не ругаются, что Вики сорвала их операцию по своему спасению в чухонских лесах.

– Живот нормально. Лучше, чем голова. Она полна вопросов. Чего это вы так стремительно подорвались в Гонконг? И кто сейчас старший в ордене без вас? Фил? Он почему-то все еще не разговаривает со мной. И кстати, Карма с Матильдой при вас вернулись или нет? И где зомби? Где эта кошка, за которую я отвечаю перед Лерой? Еще у меня пропал телефон Зверя. Может, вы сами свяжетесь с ним и объясните ситуацию?

Улыбки на лицах родителей сменились озабоченными выражениями. Особенно у Ма-Маши.

– Вики, ты сделала все, как сказала баба Люба? Тебя вырвало? Тебе стало легче? У тебя нет визуальных галлюцинаций?

«Опять двадцать пять. Сейчас меня и правда стошнит от них. Только вот нечем!»

– Маш! Па! Перестаньте надо мной прикалываться. Вообще не смешно. Что это еще за рвотная магия, блин? Меня стошнит, и Цой с Матильдой снова исчезнут, а зомби появится? Нет, ну правда, где она? Что я Лере скажу?

– Может, она нас просто разыгрывает, Маш? – Профессор Адамсон на экране повернулся к жене, а потом снова уставился в камеру. – Вик, скажи, ты нас разыгрываешь?

– Я вас разыгрываю! – разозлилась Вики. – Клянусь Уроборосом! Надоел мне этот разговор. Все, пошла тошнить.

– Моло...

Вики отключилась, не дослушав похвалу от отца. Не похоже было, чтобы они прикалывались. Ни они, ни баба Люба, ни Цой. Тогда что? Значит, они искренне считали, что она отравилась и бредит. Что бредового было в ее вопросах? Чего они так переполошились? Может, это они все посходили с ума, пока ее не было в городе? На пару часов их нельзя оставить!

Вики посмотрела на себя в карманное зеркальце, лежащее на столе. Абсолютно нормальная девочка с мокрыми растрепанными волосами. Даже губы нормальные – розовые. Что? Губы розовые?! Нет, это уже просто какой-то сюрреалистический сон. Вики даже разобрал нервный смех. У нее розовые губы. Вот приколы. Отмылись! Ничего, что они у нее от рождения были черными от перебора пигмента? Видишь, Вик, их надо было просто помыть! Отличненько! А ногти все-таки черные. Как с рождения. Вот незадача. Недоработка! Вики присмотрелась к ногтям и поняла, что и с ними что-то не так. Она с усилием поцарапала ноготь ногтем. Точно. Это был всего лишь черный лак. Черт побери! Караул! Мои губы и ногти украли!

– Эй, ты! – закричала Вики невидимому приколисту, откорректировавшему не только ее жизнь, но и тело. – Где ты, тварь? Покажись! Я все равно тебя достану! Я могу найти все что угодно! Слышишь? Ты зашел или зашла слишком далеко!

«Так-так, только не психовать. Нужно успокоиться и подумать, кому все это может быть нужно».

Девочка старалась взять себя в руки и проанализировать ситуацию. Кто из знакомых Вики колдунов или колдуний ненавидит ее, но любит Цоя и Матильду? И хотя мысли скакали мартовскими зайцами, от очевидного ответа было не уйти. Карма, черт ее побери. Ворона-доходяга, которую она, пожалев, подобрала на улице, оказалась цыганской колдуньей из горной Индии, претендующей на черный трон, и уже в октябре как могла испортила жизнь Вики, лишив ее заслуженной короны. Правда, тогда все думали, что она раба могущественного мага Авессалома. И даже жалели ее. Но оказалось-то все наоборот. А перед Новым годом Карма уже совсем обнаглела. Цыганка обезглавила Авессалома, втерлась в доверие к кругу Вики, похитила ее и пыталась убить, надеясь свалить все на маньяка-чистильщика, наводившего ужас на питерских ведьм. Убитая в человеческом обличье, Карма сохранила себе жизнь в виде вороны. В последний раз, перед сегодняшней встречей, Вик и видела ее на кладбище в новогоднюю ночь. Карма покаялась, была прощена и улетела вместе с Цоем, в которого давно уже была влюблена.

И вот теперь она снова появилась в жизни Вики. Сидит в своей клетке, как будто она обыкновенная серая птица без этого адского бэкграунда, и настойчиво просит, чтобы ее покормили. И это честолюбивая принцесса-убийца, влюбленная в Цоя? Или у них ничего не сложилось и Цой вернул ее в зоопарк Вики? Как бы там ни было, без ее колдовства тут не обошлось. Если у Вики неприятности – виновата Карма. Не наколдовала, так накаркала! Это аксиома. Как там она глумилась над привязанной к стулу Вики в квартире Авессалома? «Ты глупая и добрая, ты точно не ведьма!» А ведь Карма была права: глупая добрая девочка снова пустила ее в свою жизнь! Поэтому она и не улетала, когда ее выставили в окно: хотела насладиться плодами своего нового коварного плана. Это она лишила ее магических сил и рушит ее реальность. Да что тут думать, нужно расспросить эту тварь как следует. Уж с вороной она справится и без колдовства!

Вики даже не заметила, как в одной ее руке появился большой хлебный нож с волнистым острым лезвием, а вторая заметалась в клетке Кармы в попытках схватить птицу. Перепуганная ворона шарахалась по клетке, больно ударяясь о железные прутья и жалобно каркая, но, странное дело, даже не пыталась клонуть хозяйку. Фил проснулся от страшного шума и недовольно заухал. Матильда, вместо того чтобы помочь хозяйке, убежала к входной двери и спряталась за диван. Тоже мне боевая подруга.

– Что, страшно, курица? – кричала Вики. – Я сейчас из тебя ворону-табака сделаю! Верни все обратно! То есть не все – Цоя с Матильдой оставь, а остальное верни. И хватит уже изображать глупую птицу, я слишком хорошо помню, кто ты!

Схватить ворону одной рукой Вики не удавалось. Во все стороны летели перья. Девочка увидела, что Карма разбила голову в кровь, и ее боевой пыл немного поостыл. Поэтому когда зазвонил телефон, Вики даже обрадовалась.

– А, это ты, старая ведьма! – поприветствовала Вики бабу Любу в вайбере. – Ясное дело, вы заодно! Стоило потрясти твою подружку, как ты и проявилась. Может, ты следишь за мной ее глазами?

– Вики, Вики, что ты несешь? Остановись! Ты больна! Я вызвала тебе «Скорую помощь», они промоют тебе желудок. Открой им, деточка. Это все токсины!

– Хватит промывать мне мозги! Меня никто не остановит. Сейчас я разберусь с вороной, и, если вы не снимете свои чары, я доберусь и до тебя, однорукая тьма! Увидимся в больнице!

– Если бы я была не в Италии, – страдальчески прокричала баба Люба, – я бы уже вылечила тебя, бедная девочка!

– Ты уже в Амальфи? Сбежала, когда узнала, что я возвращаюсь? Ничего! Я тебя даже в Австралии найду! Хотя, я уверена, что ты опять врешь! Ты лежишь в больнице и ждешь протез руки из Японии.

– Вики, включи видео, – сменила тактику Великая мать, игнорируя угрозы, – я хочу взглянуть на тебя, моя внученька.

Я тоже хочу взглянуть в твои подлые глаза, подумала Вики и кликнула на значок камеры. Баба Люба была реально перепугана. Рядом с ней сидел чрезвычайно обеспокоенный Марио, что не оставляло сомнений – она действительно находилась в Амальфи. Сцепленные замком руки Люба держала перед бледным лицом. Две руки! Вики зарычала, как загнанный зверек.

– Рука на месте? Я ничего не понимаю! Ты меня дуришь, как маленькую девочку! Думаешь, я поверю в эту картинку?

– Ты бредишь, деточка. Положи, пожалуйста, нож ипусти врачей «Скорой помощи». Это какое-то ужасное, ужасное отравление. Но мы справимся. И ни в коем случае не выключай телефон.

– Ага, сейчас! – прокричала Вики.

И, естественно, сразу же отключила телефон. Потом в бешеной ярости оглянулась на клетку с Кармой. Она оставила дверцу в клетке открытой, но ворона и не подумала улететь. Несчастная птица забилась в дальний угол клетки и дрожала там, пытаясь спрятать разбитую голову под крыло. Вики злобно бросила нож на пол. Злилась она в первую очередь на себя. Ей опять было жалко Карму. Если та изображала обычную птицу, то получалось у нее гениально.

Звонок в дверь заставил Вики вздрогнуть. Это еще кто? Ах да, «Скорая помощь»! Так вот какой план у хитрой бабы Любы. Она просто хочет упрятать ее в больницу. А может быть, сразу в психушку! Все, что с Вики приключилось за сегодня, возможно, просто морок, напущенный ею, визуальные галлюцинации, воображариум старой ведьмы, чтобы сломить ее и свести с ума! Как это она сразу не догадалась!

В дверь еще раз позвонили, теперь уже долго и настойчиво.

«М-да, звоните-звоните, – подумала внезапно успокоившаяся Вики, – глупейшая затея. После вампирской «скорой» я бы все равно ни за что не открыла дверь, даже если бы не знала, что это проделки бабы Любы».

В дверь позвонили еще раз, видимо для очистки совести. Вики мягкими неслышными шажками подошла к двери и заглянула в глазок. На площадке стоял усталый пожилой врач с медицинским чемоданчиком и хмурая медсестра. Им очень не нравилась ситуация.

– Дурдом, – сказала медсестра, – пойдемте, Анатолий Николаевич. Пусть, если хотят, полицию вызывают.

– Пойдемте, – согласился врач. – Жалко, конечно, девочку. Но не выламывать же дверь?
– Если она вообще есть, эта девочка, – недовольно пробурчала спускающаяся к лифту медсестра, – может, балуется кто-то. Типичный ложный вызов.

Вики тоже было жалко девочку. Потому что она точно знала, что девочка есть, и точно знала, что девочка эта запуталась. Версия происходящего, которая пять минут назад казалась ей очевидной и прозрачной, почему-то все меньше ее устраивала.

«Мне надо успокоиться и все еще раз разложить по полочкам, – решила она. – Доско-
нальный анализ – вот что мне сейчас нужно».

А лучшего способа успокоиться и разобраться во всем, в том числе и в себе, чем пообщаться с личным дневником, еще никто не придумал. Ее тайный дневник – заповедная зона личности. Это вам не аккаунт в социальных сетях, где легко может потоптаться любой мало-мальски годный хакер. Вики плюхнулась на кожаное брюхо дивана с дневником и уже собралась начать писать, как в голову к ней, словно противный паучок, забралась неприятнейшая мысль. А вдруг и там, в ее «святая святых», поселился беспорядок, и ее ждет очередной разрушающий мозг сюрприз? Она наугад открыла запись. Ноябрь... Стоп! Она точно знает, что не вела дневник со своего дня рождения в октябре до дня рождения отца в конце декабря. Так и есть, коррозия реальности добралась и сюда. Буквы поплыли перед глазами. Или это слезы отчаяния закрыли глаза пеленой... Нет уж, она прочтет, что бы там ни было написано! Может, именно там и таится ключ ко всему этому разъедающему ее мозг бардаку.

«Сегодня я поцеловалась с человеком, которого еще месяц назад и человеком-то не считала. С главным врагом своего детства. Хамом и троллем. И вот, ничего не случилось. Я жива. Более того, мне даже понравилось. Ничего большего я ему не позволила. Только короткий поцелуй. Прощай, Федди. Ты сам виноват, что теперь между нами ничего никогда не будет. Будь счастлив со своей курносой королевичной. Цой и Ваня, простите. Я знаю, что вы в сто раз лучше и чище меня. Надеюсь, вы никогда не узнаете про мою тайну».

Вики, прочитавшей это, реально стало плохо. Ее не оставляло отвратительное чувство, что она читает чужой личный дневник. При этом она понимала, что это ее почерк и даже местами – ее манера. Но содержание не укладывалось ни в какие рамки ее восприятия действительности. Первым ее желанием было сжечь испорченный дневник. Избавиться от этих мучительных переживаний. Но любопытство победило. Вики погрузилась в странное состояние раздвоения собственной личности. И ужаснулась той девочке, которая вела дневник за нее. Глаза отказывались верить увиденному! В дневнике ее рукой была написана жуткая чушь, начиная с того дня, когда она вызвала лягушачий дождь. Вернее, хотела вызвать, если верить этим записям. Как только Вики начала читать дневник, шок сменился удивлением, страхом и безразличием. А когда она закончила, то оказалась в полной растерянности.

Она как будто заново прожила последние три месяца. Прожила жизнью серой мышки. Из дневника исчезли все упоминания волшебных событий. Никаких приключений, никакой магии. Когда Вики попробовала наколдовать лягушек для филина, оказывается, она потеряла сознание. После этого девочка зареклась практиковаться в магии и вычеркнула ее из своей жизни. Никаких живых кукол, никакой коронации, никакого Чистильщика – ничего не было! Зато все живы и здоровы – что не могло не радовать.

День рождения с Ваней и Цоем. Каникулы в Амальфи у бабушки. Осенний бархатный сезон у моря. Конфликт с химичкой. И Федди, Федди, Федди. Цитаты из его песен и даже портреты. Пока в ноябре не появляется окутанная тайной любовь непонятно с кем. Такое чувство, что писавшая (испортившая) дневник ненастоящая «Вики» не доверяла даже бумаге. Тайная переписка в интернете, ночные созвоны... Боязнь, что ее молодой человек ее стесняется. Невозможность представить Вики его друзьям. Невозможность представить его своим

друзьям. Так кто же заполнил мой дневник этой розовой тушью (чушью)? Новый год с родителями – а все мечты о Федди. Это при живом-то молодом человеке! Да что не так с этой девочкой? Кто написал всю эту хрень? Ответ очевиден. Тот, кто очень хочет убедить ее в том, что она не Королева витчхантеров, не могущественная колдунья, а все еще странная девочка-фрик, влюбленная в Федди и назло ему встречающаяся с кем-то другим. Со странным чуваком, ради которого она завела тайную страничку ВКонтакте под отвратительным ником «Тори».

Тори! всю свою сознательную жизнь Виктория Адамсон ненавидела, когда ее так называли, и выдавливала, изгоняла из себя эту «Тори». Все плохое в себе носило для нее это имя. И вот, пожалуйста, она берет себе такой ник. Да никогда в жизни! Это на сто процентов подтверждало невозможность ее авторства. Бедная девочка дошла до того, что пыталась доказать себе непричастность к написанному в ее дневнике бреду! Вот как легко свести человека с ума.

Но все-таки оставалась соломинка, в которую она вцепилась. Последняя запись в дневнике была сделана Вики сегодня в поезде из Выборга в Санкт-Петербург. Девочка прекрасно ее помнила – она полностью противоречила предыдущим записям и соответствовала ее представлению о реальности. Реальности, существующей только в ее голове. В маленькой голове, которая просто лопалась от неимоверного испытания вопросами без ответов. А если их и не будет, этих ответов? Если она не справится с вызовом, и ей придется смириться с жизнью, описанной в дневнике? Какие только глупые мысли не залетают в усталую голову. И как же от них трудно избавиться. Вики взяла ручку и начала писать:

«Привет, дневник! Это я, твоя настоящая Вики. И я справлюсь с мороком, который пытается свести меня с ума. Я прошла через кровавые битвы, потеряла друзей, узнала, что такое настоящая любовь и что такое настоящая боль. Я знаю свои силы и возможности и никогда даже мысленно не смогу вернуться в беззащитную скромницу. Я не могу жить без магии, мне надо спасти...»

Вики задумалась и отложила дневник.

«И кого мне теперь спасать? Мир? Так если верить дневнику, здесь все спокойно. Никаких ведьм, орденов и чистильщиков. Я сама видела, что Цой и Матильда живы-здоровы. Баба Люба цела, мила, любит меня из далекой Италии. Разве не об этом я мечтала сегодня, отправляясь в ссылку? Но как все это объяснить? А может быть, я сама изменила реальность так, как бы мне хотелось? Чтобы все были живы и любили меня... Но разве я когда-нибудь мечтала о том, чтобы лишиться дара? Нет, никогда! Противоречия зашкаливают. Одно из двух – либо я сошла с ума, либо мир...»

Несмотря на горящий в комнате свет, глаза Вики закрылись сами собой. Дневник и ручка выпали из ослабевших девичьих рук. Сон пришел на помощь ее плавающему мозгу.

Элемент пазла № 4

Сон

Когда вокруг творится полный кошмар, то выхода всего два. Либо заснуть, либо проснуться. Выбор за тобой. Но иногда кто-то выбирает за тебя.

Вики снилось, что она едет в метро. Именно так. Вики знала, что она спит и видит сон. Обычно, как только ты вспоминаешь во сне, что спишь, – мгновенно просыпаешься. Но это обычно. Сон был необычным во всех отношениях. Во-первых, пугающе реалистичный, он практически ничем не отличался от жизни. Во-вторых, Вики фантастически странно ощущала себя в нем. Вернее, в себе. Она одновременно была собой и видела себя со стороны, при этом она никак не контролировала ситуацию и даже собственное тело. Странная, гнетущая ситуация – вроде бы Вики спит и видит сон про себя, но при этом все совершенно реально: мысли, чувства и боль, которую ей причиняют эти мысли и чувства. Причем мысли-чувства одновременно как бы и ее и не ее.

Боль, ненависть и злоба переполняли Вики из сна, сидящую в полупустом вечернем вагоне. Вики реальная, которой снился сон, присутствовала в самом дальнем уголке ее мозга и могла лишь наблюдать и страдать. Боль, ненависть и злоба правили бал в душе Вики из сна. Испуганная Вики видела, как полыхают в глубине желтым пламенем ее синие глаза. Словно азотная кислота, плескались боль, злоба и ненависть в душе сидящей в метро девочки, выжигая все остальные чувства. Душа ее кричала:

– К черту все! Ненавижу вас!

И Вики слышала этот крик в своей голове. Она слышала страшные проклятия безумной маньячке бабе Любе и предателю-любовничку Анжело, всему магическому миру, Диснейленду для колдунов под названием Аستراليا, вселенскому обману под названием «жизнь» подлым Древним, глупым, напыщенным магам и жалким людишкам. Предатели! Ну ничего, ничего, «она» им всем покажет!

«Да она не в себе, – подумала Вики, оглушенная воплями „Вики“. – Хотя технически это я не в себе, а в ней...»

Острая, резкая колющая боль в том месте, где начинается безымянный палец левой руки, заглушила на секунду боль «Вики» из сна и прервала размышления Вики. «Вики» сняла перчатку. Вместо пальца, на котором раньше было кольцо Анжело, в рассеянном свете метро тускло засиял серебряный трехфаланговый протез, грубо вживленный в руку. Ого! «Вики»

согнула и разогнула серебряный палец с черным ногтем из обсидиана, причиняя себе адскую боль. Вики поняла – ущипнуть себя, чтобы проснуться, – не получится. Не тот случай.

– Эй, прекрати! – не в силах терпеть адскую боль, закричала девочка мазохистке, которая ей снилась. – Прекрати, Злюка!

Злюка! Так Вики решила ее называть. Непонятно, услышала ее Злюка или нет, только страшным пальцем она шевелить перестала, надела обратно перчатку и продолжила проклипать все на свете, но в первую очередь подлого предателя Анжело.

– Анжело-то мой прекрасный что тебе сделал? – не выдержала Вики.

Будто осознав вопрос, Злюка начала-таки с ней разговаривать. Причем вслух!

– Убирайся! Ты прекрасно все знаешь сама. Он предал меня! Предал! Обманул глупую девочку. Любовь? Малолетка тупая! Как я только могла купиться? Ангел смерти? Обычный шпион. Пеленгатор поставил!

– Какой еще пеленгатор?

– Кольцо! Пришлось от него избавиться...

– Куда ты его дела?!

– Оторвала вместе с пальцем, – сардонически расхохоталась Злюка. – Иначе оно не слезало...

Вики умолкла в ужасе. А Злюка продолжала плевать ядом:

– Гад! Гад! Гад! А ты вечно всех защищаешь. Только я у тебя плохая. Хватит. Не буду тебя слушать!

Вики обожгло чужой ненавистью и горечью. Так вот оно какое, раздвоение личности. Девочке было жаль и себя, и Злюку, она страдала вместе с ней, не в силах ни проснуться, ни унять истерику Злюки, ни утешить ее.

Злюка, слегка раскачиваясь взад-вперед, бормотала себе под нос, как заправская сумасшедшая. Люди рядом испуганно посматривали на нее, чувствуя опасность, отсаживались и отходили подальше. Но ей было абсолютно все равно, мира вокруг для нее не существовало. Только мир внутри. Точнее, ад внутри. И это было непереносимо.

– Эй, тряпка, прекрати истерику. Это всего лишь сон. Правда, реальность немногим лучше. Но Анжело меня, тьфу ты, тебя, ну, то есть нас, не предавал, – пыталась урезонить ее Вики.

– Убирайся, – яростно бормотала Злюка, – убирайся, ты больше мне не нужна. Ни у кого тебя теперь нет, и мне ты не нужна. От совести нет никакого смысла, один вред. Ты бесполезна и только вечно мешаешь мне. Меня предали, и я отомщу. Понятно? Убирайся или молчи, подлюка.

Вики вдруг явственно осознала, что Злюка вовсе не торопится принимать свою вторую личность.

– Елки зеленые! Она, похоже, решила, что разговаривает со своей неожиданно проснувшейся совестью! Вот это номер! Я – совесть?

И хотя совесть ей была совершенно не нужна, Злюка продолжала оправдываться перед этим бесполезным фантомом.

– Все мои самые близкие люди оказались предателями. Родители продались Древним, которые подло изгнали Создателя. Про Анжело я даже говорить не хочу.

– Нет, уж давай поговорим, – не унималась Вики, войдя в роль «совести», – расскажи мне об Анжело. В чем он так провинился? Может, я тебя пойму?

И тут неожиданно в их интимный разговор в голове Вики вклинился третий навязчивый голос.

Это был прекрасно поставленный дикторский баритон взрослого мужчины. Привлекательный, обволакивающий и одновременно отталкивающий; ужасно, даже пугающе, знакомый. Он не говорил, он вещал:

– Разочарование! Нет ничего страшнее, чем разочарование, девочка. Теперь ты в состоянии понять меня. Я разочаровался в людях и пытался избавиться от них. Но это оказалось сложнее, чем я думал. Они живучи, как черные муравьи на дачном участке. Даже нет, плохой пример, они живучи, как раковые клетки. Я не смог их победить. Оно и понятно, ведь я создавал их по своему образу и подобию. Дал им почти все свои силы и способности. Когда я понял, что бороться с ними бесполезно, отнял у них дар мирозидания. Люди быстро забыли о нем, сосредоточившись на разрушении созданного мной мира, войнах, разврате и обогащении. Я поставил Древних, свою родню, чтобы они контролировали людишек, управляли ими и служили мне. Но Древние быстро вкусили радостей человеческой жизни и предали меня. Они изгнали меня, объявили безумцем и служат моему антиподу и главному врагу – Первородному Хаосу, нещадно эксплуатируя людей и используя в качестве своих слуг посвященных колдунов. И вот теперь, когда я нашел способ все исправить и упорядочить, Древние угрожают мне вернуть людям дар мирозидания и обратить мой мир в полный хаос. И главный их козырь – это Ты, моя девочка. Им невдомек, что Ты создана мной для служения Порядку. Спесивые глупцы, мы обратим их же оружие против них. Да, моя Жанна? Ты приведешь Порядок на престол?

«Да это уже не раздвоение, а растроение личности, еще и со слуховыми галлюцинациями», – подумала Вики и наивно спросила:

– Извините, пожалуйста! Вы сейчас со мной разговариваете?

– Да, повелитель, – явно совсем не ей ответила Злюка, и Вики с удивлением обнаружила нотки сарказма в ее голосе, – я все помню. Не надо лишний раз зомбировать меня. Я в порядке.

«Это точно! Порядок полный. Вот это порядок так порядок, всем порядкам порядок! Раздвоение, нет, растроение личности, паранойя и маниакальный психоз со слуховыми галлюцинациями. Просто чудо, а не порядок. Хорошо, что это всего лишь сон», – иронизировала Вики, послушно выходя вместе со Злюкой из вагона метро на станции «Ленинский проспект».

«Станция, названная в честь проспекта имени главного «секретика» страны, мумии, лежащей на Красной от пролитой там крови казненных людей площади. О, она наверняка неспроста появилась в этом сне», – пронеслась в голове у Вики какая-то совершенно ненужная информация.

Все оказалось гораздо проще. Станция была ближайшей к улице Костюшко, на которой располагались высоченные корпуса одноименной больницы, где лежала бабушка Люба.

«Так вот куда нацелилась Злюка! Она делает то, что собиралась сделать я», – поняла Вики, поднимаясь на эскалаторе.

– Эй, Злюка! Ты ведь не натворишь дел, за которые тебе потом будет больно и стыдно?

Ответом Вики не удостоили. Зато когда Злюка, выйдя из метро и отойдя пару шагов от фонарей в вечерний полумрак, разбежалась и взмыла в воздух, Вики охватил восторг полета. Она даже забыла, что это сон. Она летела! Она смогла! Как же приятно это было осознавать после неудачных дневных попыток совершить хоть что-нибудь магическое. Морозный воздух обжигал кожу лица Злюки и Вики, но обжигал приятно, в отличие от ненависти, боли и злобы, клокотавших внутри летящей девочки.

– Да здравствует магия! – вырвалось у Вики.

– Да заткнись ты уже, наконец, – обломала ей кайф и вернула ее в свой ад Злюка.

Она уверенно подлетела к освещенному окну на десятом этаже и прошептала открывающий заговор. Окно тут же послушно распахнулось, и Злюка с Вики влетели в палату бабы Любы. И вот тут спящей Вики стало по-настоящему страшно. Она поняла, что влипла в самую ужасную историю в своей жизни.

Палата казалась нереально маленькой. Все ее пространство занимали больничная койка, тумбочка рядом с ней, выключенный аппарат искусственного дыхания и капельница с иглой, воткнутой в единственную руку бабы Любы. Зато это была палата люкс – на одного человека. Хотя баба Люба была не совсем человеком, но это к делу не относится.

– Внуча! – Бледная женщина резко поднялась с подушки навстречу Злюке. В ее глазах одновременно читались и радость, и тревога. – Ты как здесь? Ты же уехала! Что-то случилось?

– Привет, бабуля! – не удержалась Вики.

Но ее никто не услышал. В палате с салатовыми стенами повисла нервная тишина. Сверху противно трещали лампы дневного света. Злюка молчала и, злорадно улыбаясь, поела бабу Любу наглым взглядом, искрящимся ненавистью.

Вики не понимала, как такое может быть, но она по-прежнему видела происходящее одновременно и глазами Злюки, и своими глазами со стороны. От ее взгляда не ускользнул лежащий на тумбочке распакованный протез руки, собственно говоря, ничем не отличающийся от настоящей конечности. Японская биомеханика... Вика вспомнила, что ей рассказывал Ваня, получивший консультацию о протезе для Великой матери у своего отца. Так что на тумбочке лежала одинокая правая рука, делающая тягостную сцену еще более злобшей.

– Ненавижу тебя, – наконец прорвало Злюку, – злобная, сумасшедшая, старая манипуляторша! И никакая ты мне не бабушка. Хватит уже лечить меня этой чепухой. Думала, что все пройдет как по маслу? Сплавила меня в чухонские леса, а сама здесь быстренько бы забралась на трон? А меня там в темном лесу закопали бы твои викторианцы. Так, Тьма однорукая?

«Тьма однорукая сядет на трон», – всплыла в памяти Вики строчка из тайного послания, подсмотренного в поезде. Но баба Люба не была сейчас похожа ни на хитрую, коварную Верховную ведьму, ни на мудрую Великую мать, ни на ту страшную толстую змею с крыльями, что насмерть билась со Зверем меньше недели назад. Цветущая женщина бальзаковского возраста превратилась в испуганного бледного инвалида. Она откинулась на подушки, силясь понять, что происходит, и вызывала у Вики только жалость.

– Это морок! Тебя околдовали, внученька! Оболгали меня!

– Морок – это все, что было со мной раньше. Сплошной обман. И за всем стояла ты. Па и Ма всего лишь твои верные слуги. Уверена, что они не до конца посвящены в твои замыслы. Несчастные твари, они даже не знают, кому служат. Не знают, что Уроборос – это символ Хаоса, змей Ермунганд, опоясавший Землю и ждущий своего часа! А ты ради трона готова пожертвовать не только мной, но и родной дочкой. Как это ты ее не убрала руками Шкатова? Странно. Или ты будешь отрицать, что Чистильщик был твоей марионеткой? И даже не пытайся обратиться в гадюку. Я заблокировала твою змеиную сущность. Ты даже не представляешь, какая я теперь сильная. Так что насчет Шкатова?

Баба Люба сверлила Злюку взглядом и, если бы не блок, наверное, высверлила бы в ней здоровенную дыру. Но сейчас этот взгляд был скорее просящим, полным мольбы и отчаяния.

– Да, я делала все это. Но делала для тебя и ради тебя. Ты вернешь в мир справедливость. Жертвы были не напрасны. А то, что случилось со Стражем, гложет меня до сих пор. Но у меня и в мыслях не было занимать трон. Он твой. Ты – наша Виктория, долгожданная победа посвященных викторианцев!

– «Чтоб посвященных от смерти спасти – ведьму на трон ты не допусти», – глумливо пропела Злюка. – Ты об этих посвященных? О колдунах, которым скоро всем придет конец?

– Тебе кто-то отравил разум и душу. Околдовал. Я даже боюсь предположить, кто это. Но это точно враг нашего ордена и твой враг!

– Пустые слова. Я знаю все про тебя, твой Уроборос и про остальные клоунские витчхантерские ордена. Кстати, почему вы так тупо называетесь? Вы же в России. Значит, должны называться ведьмоловами. Вы отчаянно хотите погубить мир. Или настолько глупы, что хотите спасти мир, и этим окончательно погубите его. Нелепые ряженные слуги Древнего Хаоса! Хотите окончательно уничтожить Порядок? Древние испугались Системы, они во что бы то ни стало хотят продлить свою власть и используют вас, безумцев, для возврата Хаоса. Мне с вами не по пути!

– Что за околесица? Где ты этого набралась, Вики? – Взгляд бабы Любы из жалостного постепенно превращался в негодующий.

– Я больше не Вики. Вики делала много глупостей. В том числе слушалась тебя, старая гадюка. Теперь меня зовут Тори!

Тори! Опять Тори! Имя, которое она ненавидела всей душой, проникло и в этот бешеный сон. Честно говоря, Вики так увлеклась перепалкой Злюки и Любы, что даже забыла, что спит. Пора бы уже проснуться. Ничем хорошим этот сон не кончится однозначно.

«Хватит болтать! Старая ведьма хитра и обведет тебя вокруг пальца. Убей ее немедленно, сожги библиотеку, готовь армию к битве», – зазвучал в голове Вики уже знакомый мужской баритон, сколь неприятный, столь и завораживающий.

Злюка засунула руки в карманы и, ехидно улыбаясь, глядела на мучительно пытающуюся сесть бабу Любу.

– Что с тобой, моя девочка? Кто промыл тебе мозги? Кто настроил против семьи? Кто этот подонок? Почему ты молчишь? Что ты задумала?

Люба не могла слышать страшного приказа, прозвучавшего в голове Злюки, но каким-то образом почуяла скорую развязку. Ее глаза стали суживаться, а нижняя губа затряслась. Вики стало ее ужасно жалко. Она даже крикнула Злюке:

– Не смей ее трогать, мерзавка!

– Заткнись! И ты заткнись! И ты! Заткнитесь все! – Тори бешено замахала руками в перчатках перед лицом, резко прекратила и снова спрятала руки в карманы пальто.

– Сумасшедшая, – прошептали хором Вики и Люба.

– Я не твоя девочка! У меня нет семьи! Ты никогда не любила меня! Вы все просто использовали меня, даже не потрудившись рассказать мне, кто я такая на самом деле. Только Создатель объяснил мне все. Он показал мне ваши истинные лица. Он научил меня отличать иллюзию от правды. Только он дал мне поверить в свои силы и показал истинный порядок вещей. Только ему я теперь верю и служу. А тебе пришел конец. Тебе и всем твоим планам! – Тори не кричала, скорее шипела, как кобра, угрожающая более сильному врагу.

– Создатель? Изгой, который предал древних собратьев? Враг людей? Ненавистник Первородного? Его много сотен лет никто не видел. Это он наговорил тебе про меня всю эту чепуху? Ты знаешь, что его второе имя – Лжец? Он – Создатель иллюзий. И это ему ты поверила? – Любе удалось кое-как усесться на высокой больничной койке. – Я учила тебя плавать и летать! Я любила тебя, как родную! Я отдала руку за твою жизнь. А ты поверила первой же клевете врагов на меня. Подойди ко мне. Дай я обниму свою деточку, и морок пройдет! Не позволяй ему загубить тебя!

– Убей ее! – Голос в голове Вики-Злюки (у них ведь была одна общая голова в этом сне) перешел на истошный крик.

– Обними меня! – требовала Люба, из последних сил гипнотизируя внучку зелеными глазами.

– Руку, говоришь, за меня отдала, – ухмыльнулась Злюка, – так вот же она на тумбочке. Вот пусть она тебя и обнимет.

– Это же демонстрационный образец. – Люба в замешательстве замолчала, предчувствуя нечто отвратительное.

И оно не заставило себя долго ждать. Протез руки, лежащий на белой тумбочке, противно пошевелил пальцами, словно кальмар щупальцами. А потом, извиваясь, пополз по направлению к притихшей Любе, перебирая по поверхности тумбочки пальцами, будто маленькими ножками. Зрелище это, надо сказать, было пренеприятное.

– Немедленно прекрати это! – завопила Вики, но Злюка снова проигнорировала ее протест.

Биомеханическая рука тем временем ловко оттолкнулась от тумбочки и запрыгнула на койку к Любе. Та в ужасе схватила ее единственной рукой, пытаясь сбросить с себя. Капельница с грохотом повалилась на Любу сверху.

– Что там такое? – раздался из коридора голос дежурной медсестры.

По коридору зашлепали шаги.

Но поздно. Безжалостная японская рука уже добралась до горла Любы и вцепилась в него железной хваткой. Люба даже не смогла закричать. Она хрипела, глаза выкатились из орбит. Злюка перестала улыбаться. Она прикрыла глаза рукой и истерично вскрикнула:

– Теперь ты доволен? Ты этого хотел?

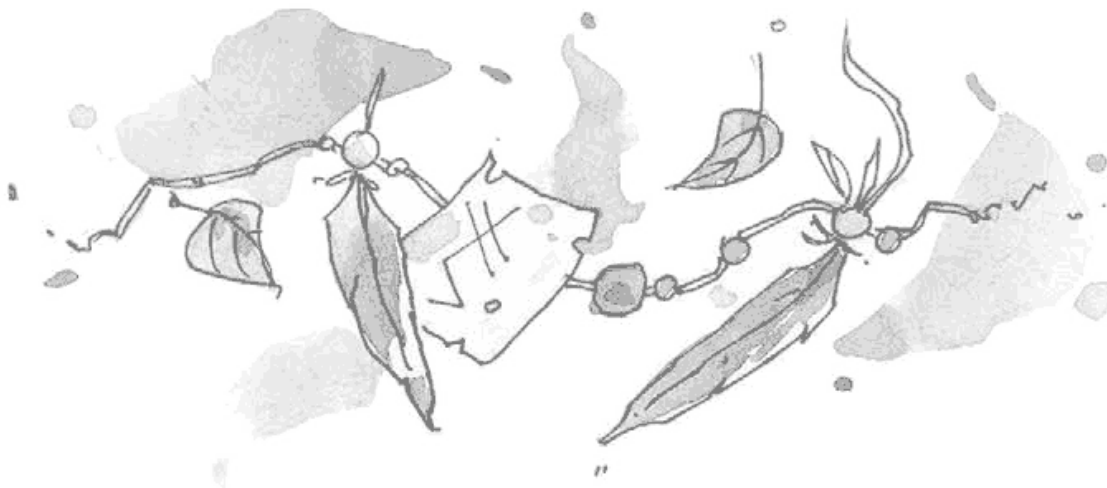
Вики не переставала кричать уже несколько минут подряд. В отличие от Злюки, она не могла закрыть глаза и продолжала видеть ужасную сцену. В борьбе с рукой, уже в агонии, баба Люба упала с высокой кровати, увлекая за собой на серый больничный линолеум капельницу и матрас. Взгляд ее застыл, дыхание остановилось... В палату ворвалась медсестра...

Вики проснулась от грохота и собственного крика, вся в холодном поту. Перед ней сидела встревоженная Матильда. Вики включила свет.

– Давала же себе слово не засыпать на этом старом диване. Здесь всегда снятся ужасные кошмары, – вслух сказала себе Вики.

Рядом с диваном валялся любимый дневник. Вики помотала тяжелой головой. «Глаза бы мои его не видели!»

За окнами еще темно. Восемь утра. Город только просыпается. Ее город. Или не совсем ее. Но тот, в котором она была только что во сне, нравился ей еще меньше. Надо что-то делать. Но что? У кого бы спросить совета? Где сейчас ее Анжело?

Элемент пазла № 5

Норвегия. Проклятый остров

Сквозь темную полярную ночь, озаренную прожектором полной луны, летели двое. Это была странная пара. Обоих несли быстрые, почти невидимые человеческому глазу крылья. На этом их сходство заканчивалось. Хотя тому, кто их не знал, могло показаться, что они ровесники. Два юноши, решивших прогуляться в небе над Норвегией. Только вот изящный альбинос, что с ангельской внешностью, был в пятьсот раз старше плечистого коренастого азиата. Они летели неспешно, сполна наслаждаясь полетом над мерцающими в лунном свете фьордами. Им не было холодно, ведь их мертвые тела не знали, что такое холод. Зато про голод они знали гораздо больше живых. Именно об этом и шел сейчас их разговор.

– Потерпи еще немного, Цой. Я обещаю, что сегодня ты насытишься как никогда в прошлой жизни. Это будет не просто ужин, а обряд посвящения в воины света. И в наслаждение пищей. Ты ведь раньше любил пожрать?

– Мама очень вкусно готовила.

– О да! Корейская кухня. Я как-то прожил пятьдесят лет в Корее. На мой вкус слегка островато. Но я подсел на кимчхи.

– Да. Это очень вкусно. Но разве ты можешь есть и пить что-то, кроме крови?

– Тогда мог. Корея тогда еще носила древнее имя Чосон, но кимчхи уже было. Так вот, Цой, кимчхи – полная ерунда по сравнению с кровью вампира. Ничего вкуснее быть не может, и ты поймешь это с первой капли.

– Почему же тогда вампиры до сих пор не сожрали друг друга?

– В логике тебе не откажешь, Цой. Так бы и было, будь они полноценными личностями, но они всего лишь носители древних паразитов, оккупировавших их клетки – каждую клеточку – и использующих их мозг, чтобы длить свое существование.

– Но ведь ты... То есть мы тоже – носители?

Почти. Мы симбионты. Чувствуешь разницу? – Анжело подлетел к Цою поближе, чтобы насладиться его удивленным выражением лица. – Биологию надо было учить лучше. В общем, так: я пустил этих паразитов в свою кровь за то, что они сохраняют вечным мой мозг, куда я их не пустил. В моей ангельской крови они мутировали настолько, что и при передаче от меня ведут себя так же. Так что твой мозг тоже под надежной защитой. За это мы балуем их вампирской кровью, даруя им и получая сами неведомое людям и вампирам наслаждение. Ну и утоляя при этом свой голод.

– Лучше не надо о голоде. – Губы Цоя злобно скривились.

– Брось, мальчик. Ты голоден всего пару дней. Иногда приходится голодать месяцами. Вот это невыносимо. Я еще не успел как следует проголодаться после драчки в больнице. А тебе крупно повезло.

– А ты доверяешь этим троллям, Анжело?

– Я никому не доверяю. Но пока не проверишь – не узнаешь. Да и тебе пора уже размяться. Не все же играть в снежки с эльфами. Ты же воин, Цой!

– Какие снежки? Я учил их играть в регби снежным мячом. Ребятам приходилось впятером поднимать снежок, но они очень старались.

– Молодцы! Хорошо, что все обошлось без смертоубийства. Эльфы любят подвигаться. Вот цвергам с их куриными вывернутыми ножками спорт вообще противопоказан. Смотри-ка кто летит!

Беседующих юношей догнала крупная ворона. Видно было, что она смертельно устала.

– Карма, ты ли это? – радостно спросил Анжело – Что-то ты долго, подруга!

– Это нечестно! – Возмущению Кармы не было предела. – Почему вы меня бросили?!

– Не бросили, а оставили дома, – вставил Цой. – Ты бы спокойно дождалась нас у эльфов.

Анжело сказал, что на битвы ворон не берут. Плохая примета.

– Я не ворона! Я – Карма!

Видя, как она задыхается, Анжело смилостивился.

– Ладно уж, лети с нами, упрямица. Что ж с тобой делать, если ты догоняла нас от самой Исландии.

Довольная ворона тут же опустилась Цою на загривок, аккуратно вцепившись в одежду когтями.

Двое последних суток эта странная троица провела в Исландии в гостях у горных эльфов. Днем они отсыпались в уютных норах под снегом, а ночами всячески развлекались.

– Делай что хочешь, только не вспоминай свою прошлую жизнь, – так сказал Цою Анжело. – Никаких вопросов про тех, кто остался там. Это закон!

И Цой очень старался. Хотя все время об этом думал. О родителях, о Ваньке. И, конечно, о Вики. То, что она предпочла ему Анжело, угнетало его больше, чем смерть и новая жизнь в вампирском теле. Он ненавидел Анжело. Прекрасное чувство к тому, с кем тебе придется провести вечность! Ненавидел, но очень уважал. Такой вот парадокс. Ну, а Карма, казалось, была счастлива и не отходила от Цоя ни на секунду.

Прошлым вечером эльфы получили сообщение для Анжело. Его доставили белые почтовые гуси. Один из них принес письмо, а второй – флягу с морошковой настойкой в подарок эльфам. Письмо было длинное, написанное от руки корявыми странными буквами, больше смахивающими на примитивные картинки. Если убрать все витиеватости, то вкратце в письме рассказывалось следующее. В пригороде Осло в эти дни проходил тайный блэк-метал фестиваль. Самые отъявленные сатанисты, неоязычники-викканцы и любители жанра ужасов наслаждались по ночам выступлениями своих любимых групп. Но для особо посвященных этой ночью на одном из маленьких островов в Ослофьорде – Проклятом острове – в Сгоревшей кирхе в полнолуние устраивался еще один концерт. Совершенно секретный, только по личным приглашениям, напечатанным на коже летучей мыши. Перед тринадцатью богатыми дьяволопоклонниками, заигравшимися в сверхлюдей, должны были выступить темные короли блэк-метала «Бафаметаморфос».

И все бы ничего, только вот в списке приглашенных оказались настоящие вампиры, которые планировали как следует попить после концерта, принеся себе в жертву остальных меломанов. Музыканты были в курсе их коварного плана, но согласились молчать за огромные деньги. Однако у любящего напиться до свинского состояния басиста «Бафаметоморфос» язык за зубами держался плохо, и он открыл страшный секрет случайному собутыльнику в одном из

баров портового района. По неслучайному стечению обстоятельств этот встречный оказался местным витчхантером. Колдуны Осло отправились на Проклятый остров, чтобы обсудить с местными троллями ситуацию.

Надо вам объяснить (как это сделал Анжело для Цоя), что Скандинавия – это такое место на Земле, где Аستراليا практически повсеместно пересекается с реальным миром. Местных жителей совсем не смущает соседство эльфов и троллей, а туристы, иногда сталкиваясь с ними на улице, просто удивляются, что за гигантский норвежец только что прошел мимо или что за странная бабочка упорхнула в лес.

Так вот, колдуны-витчхантеры предупредили местных троллей на острове о готовящемся вампирском пире и предложили свои услуги. Тролли ответили, что им совсем не жалко эту публику, но вампирских гуляний они на острове не потерпят. Вот только витчхантерам тут делать тоже нечего, они справятся сами. Но как только колдуны отправились восвояси, тролли отправили почтового гуся к снежным эльфам, у которых гостил Анжело, с предложением ему сделать за них черную работу. Все в Астрии знают, что нет в подлунном мире лучшего убийцы вампиров, чем Анжело.

Дело в том, что тролли терпеть не могут убивать людей, а отличить вампиров от раскрашенных фанатов блэк-метала – нелегкая работа. Тролли теперь мирный народ и уже давно не едят людей. Более того, даже не пугают. Некоторые из них ушли в мир людей, нашли там себе жен или мужей, и их дети даже не считают себя троллями. Разве что когда достают кого-то в интернете. Но это уже совсем другое дело. Да, да, мельчает сказочный народ.

Анжело сначала очень расстроился, что его так легко нашли. Ведь он думал, что они с Цоем надежно спрятались у эльфов и никто об этом не знает. Но ругаться с эльфами он благо-разумно не стал. Все равно убежище уже засвечено. А вампирский шабаш на острове – удачная возможность попробовать обновленного Цоя в бою. Да и подкрепиться пора. Так что они, не мешкая, отправились в полет, не сказав ничего Карме, в первый раз за два дня улетевшей на охоту. А что делать, голод не тетка! Они не спешили. Анжело знал, что лучше прилететь во время концерта, дабы не спугнуть кровососов. А Цою лишь оставалось ему верить.

– Кстати, давно хотел спросить, почему ты Цой? Ведь твое имя Олег Хван. Верно? – Анжело летел перед Цоем, внимательно всматриваясь в горизонт.

Они подлетали к широкому Осло-фьорду.

– Ну-у... – промычал Цой.

Анжело откровенно нарушал собой же провозглашенный закон – не говорить о человеческом прошлом. Но он был главным в их тандеме и сам устанавливал и менял правила.

– Цой – гениальный музыкант, легенда русского рока. Он умер почти за десять лет до моего рождения. Я раньше фанател от его песен. Даже разговаривал цитатами. Вот все и стали меня так звать. Прилипло.

– Понятно, – довольно сказал Анжело, – значит, ты любитель рока. Отлично. Правильный выбор. Сейчас оторвешься на концерте. Потрясешь козами.

– Слушай, русский рок и норвежский блэк-метал – далеко не одно и то же!

– Да брось ты, – продолжал подтрунивать над ним ангел, – а как же «группа крови на рукаве» и ходить во всем черном? Вампирам бы понравилось.

– «Группа крови» – это совсем про другое. И если ты все знаешь о «Кино», зачем под дурачка косишь? Нравится прикалываться надо мной? – Цой напряг мышцы, шарами перека-тывающиеся под одеждой.

Карма нежно погладила его клювом по волосам, желая успокоить.

Анжело сделал вид, что ничего не услышал, и торжественно протрубил в воображаемый рог.

– Видите эти огоньки вдали? Это чудесный город Осло. Один из моих любимых городов. Сколько раз я беседовал здесь с Мунком и Вигеландом... Мрачные были ребята, но совер-

шенно гениальные. А Проклятый остров прямо под нами. Добро пожаловать в ад, господа и дамы!

Наверное, Анжело не шутил бы так, если бы обладал даром предвидения. Они резко снизились, ориентируясь на грохочущие барабаны, завывающие гитары и хриплый рык вокалиста. Сгоревшая кирха вовсе не походила на развалины. Просто ее каменные стены полностью почернели от пожара, устроенного здесь оголтелым викканцем в девяностые годы. Кирху в темноте можно было и не заметить, если бы не оглушительная музыка и горящие внутри факелы.

Юноши выхватили мечи. Анжело – огненный, а Цой – обоюдоострый клинок из эльфийской стали, украшенный в узкой ложбинке посередине эльфийским же золотом. Меч был подарком от новых друзей – подземных черных эльфов – цвергов.

Воины света влетели в высокие окна кирхи с выгоревшими витражами, как мотыльки на свет факелов. Свет, который тотчас же погас. И дьявольская музыка тоже мгновенно стихла, словно по мановению чьей-то дирижерской палочки. Цой, Анжело и Карма оказались в полной тишине и темноте. Вернее, оказались бы в темноте, если бы не полыхающий огнем меч ангела смерти, отбрасывающий сполохи света на стены кирхи. Анжело с Цоем спиной к спине висели в воздухе в центре здания и медленно вращались, стараясь понять, что же здесь происходит. От неожиданной тишины после раскатов блэк-металлического грома у Цоя заложило уши. Он ничего не видел, кроме их с Анжело теней на черных стенах, но чувствовал притаившуюся вокруг опасность всем своим могучим мертвым телом. Если бы его сердце могло замереть от страха...

– Это ловушка, валим отсюда, – тихо сказал Анжело, но слова прозвучали как гром и даже отразились эхом.

«...Сюда, сю-да, да, да, да», – спели им обгоревшие кирпичи. А вслед за этой песней по незадачливым воинам света с трех сторон снизу перекрестным огнем ударили пулеметные очереди.

«Ну вот и все. Прощай, Вики», – успело пронестись в голове у Цоя.

Скорость мысли слегка опередила скорость серебряных пуль.

Элемент пазла № 6

Башня на Бармалеева. Улица Чехова. Улица Таврическая. Башня Иванова

Голова раскалывалась, как будто девочка не спала всю ночь.

Но хуже было другое. На душе у Вики было тяжело и муторно. Перед глазами постоянно стояло несчастное лицо задыхающейся бабы Любы. Вся вчерашняя злость на нее прошла, исчезла вместе со страшным сном, каждый эпизод которого теперь навечно врос в ее память.

«А ведь я тоже хотела навестить к ней в больницу! – в ужасе вспоминала девочка. – Хорошо, что она умотала к своему Марио. Нет, все-таки надо еще раз проверить. Понимаю, что это глупо, но делать глупости мое кредо». – И ее палец уже набирал номер на только что включенном телефоне.

– Вики! Как ты меня напугала! Мы с Марио всю ночь не спали. И Маша с Германом тоже. Как ты? Тебе лучше?

«Жива», – отлегло от сердца у Вики.

– Мне лучше, – честно сказала она. – Ба, что ты знаешь про Создателя? Это маг? Он мог бы чисто теоретически воздействовать на нашу реальность? Воскресить кого-нибудь? Поменять цвет моих губ и ногтей? Лишить меня магических сил?

В трубке повисло тягостное молчание. А самое противное, что даже самой Вики ее вопросы начинали казаться нелепыми.

– Держись, деточка. Мы скоро прилетим. – Вики показалось, что баба Люба чуть не плачет, и у нее тоже навернулись слезы.

Да что ж за состояние такое истерическое!

– Не надо прилетать, ба. Извини меня. Я в порядке. Просто сон плохой увидела. Я сама со всем разберусь.

Вики снова отключила телефон, понимая, что сейчас начнутся звонки от Па и Ма-Маши. А она к ним совершенно не готова. Кто-то усиленно поработал с ее миром и много чего здесь натворил, пока она металась между Питером и Выборгом. Разбираться со всем этим бардаком будет непросто. Но она справится. Она очень сильная. Только вот надо поспать хотя бы пару часов. Может, ей теперь все время будут сниться такие реалистические кошмары? Не дай Первородный!

Она боялась опять оказаться в голове Тори. Боялась и одновременно хотела. Ей было совсем не безразлично, что еще может натворить эта обуреваемая ненавистью безумица. С полужакрытыми глазами Вики поднялась в свою комнату. Включила свет. Портреты на потолке

и люк на смотровую площадку были на месте. Ну, уже неплохо, подумала девочка, машинально натягивая любимую пижаму с лягушачьим принтом.

– Спать хочу, и пошли вы все к черту, – обратилась она вслух к невидимым врагам, пытающимся довести ее до безумия, и упала на свою круглую кровать.

Через пару секунд она уже крепко спала. Но вместо продолжения кошмара она упала в глубокую яму кромешного черного сна, беспамятного и пустого. Пустого, да не совсем. В какой-то момент она явственно осознала, что слышит нарочито дикторский, даже можно сказать диктаторский, голос. Тот самый голос, который приказывал Тори убить бабу Любу. Слышит, только вот ни одного слова не понимает. Язык похож на все скандинавские сразу, но наречие ей неизвестно. Как же так, стала мучиться во сне Вики, я же знаю все языки в мире, в том числе мертвые и эсперанто. С этим вопросом она и проснулась, тут же начисто забыв, что ее так мучило секунду назад. За окнами было светло. Вики проспала до полудня.

«Надо позвонить родителям. Они ведь там с ума сходят из-за того, что я с ума сошла!» – подала голос совесть.

Да, а совесть-то у меня с юмором, решила Вики и призадумалась, не сидит ли в ней сейчас какая-нибудь ее спящая версия. Но эта бредовая мысль исчезла сразу, как только она пошла умываться и взглянула в зеркало. Паника накатила волной. Это были не ее губы. Она уже и забыла, что ее губы украли! Ее черные губы, которые так нежно целовал Анжело. Может, он ее и полюбил только за них! Надо срочно раздобыть черную помаду. Но сначала позвонить родителям и попробовать им подыграть.

– Вики, наконец-то! – Таким испуганным она видела отца в последний раз, когда Герта Подколотная примотала его скотчем к стулу. – Мы прилетим сегодня вечером. Прямого рейса не было. Держись, девочка.

– Па! Маша! Простите, что я вас так напугала. Похоже, я действительно чем-то траванулась в поезде. Помню, что съела в вагоне-буфете бутерброд с красной рыбой, и он мне сразу не понравился. Наверное, это был белорусский лосось. Но я уже выздоровела. Глюки прошли. Все нормально, родители!

– Ты нас не обманываешь, коза-дереза? – Родоки наконец-то стали похожи на себя. – Любу с утра ты очень напугала. Она тоже летит в Питер. Зачем ты вообще в этот Выборг поперлась?

– Я выпалась, и все прошло. Скажите бабушке, пусть спокойно отдыхает. Если что, обращай к доктору Гамелянскому.

– Кто это? – искренне поразился папа.

– Ванин отец.

– А, точно, забыл Ванину фамилию. А он что, врач?

– Вы, похоже, много чего забыли. Хорошо с вами поработали, – не выдержала психического напряжения Вики.

Ей по-прежнему кажется, что родители ее разыгрывают. Но, учитывая то, что их вполне устраивает розовый цвет ее губ, возможно, что и нет. Все очень серьезно. Энтропия растет!

– Ты это о чем? – насторожился папа.

– Ни о чем. Токсины гуляют. Остаточные явления. У меня все в порядке. Перестаньте волноваться и дергать меня. Сдавайте билеты и работайте в Гонконге сколько нужно. Я тут со всем разберусь. Вечером созвон. Хорошо?

– Хорошо, – отозвался профессор.

Но его испуганные глаза говорили обратное.

Ладно, пообщались, теперь можно подумать, что делать дальше. Наколдовать себе вкусный завтрак, например...

Опять ничего не получилось, поняла Вики, подымаясь с пола в кухне. На этот раз она все-таки потеряла сознание, произнося заклинание. Ситуация-то усугубляется... Стараясь не

смотреть на филина, ворону и кошку, – не называть же этих неблагодарных тварей по именам, на которые они теперь не реагируют, – Вики села пить кофе, благо запасов этого добра у нее не переведется на ближайшие пять лет. Родители-кофеманы – это иногда очень полезно.

Что ж, надо окончательно признать: колдовство ей больше недоступно. Возможно, что у нее забрали и другие способности вместе с родным цветом губ и ногтей. У ее родителей отшибло память. В ее дневнике и аккаунте изменились события последних трех месяцев, которые она прекрасно помнит. А вот остальные, похоже, нет. Правда, детально она общалась только с родителями и Любой. Ее монологи с бессловесными – что ее страшно бесило – Филом, Кармой и Матильдой общением назвать язык не поворачивается. С Цоем тоже все получилось сомкано. Нужно продолжить разведку и понять, насколько глубоко врагам удалось перепачкать ее реальность. А это значит, что придется пообщаться со всеми ключевыми участниками событий последних трех месяцев ее ведьминской жизни.

Анжело! Вот с кем она сейчас пообщалась бы. Он бы точно ей все объяснил. Поставил бы своей маленькой возлюбленной мозги на место. Ведь если Цой вернулся, значит, и Анжело может быть здесь. И тут же на бедную девочку накатила теплая волна воспоминаний, сбившая ее с ног и вернувшая в жаркую декабрьскую ночь у Тругота. Как здорово и странно, что ей оставили воспоминания! Или она смогла сохранить их вопреки замыслу врагов? Значит, она будет бороться до конца, чтобы вернуть себе настоящую жизнь! Ей есть за что биться. Вернуть свою жизнь! Еще вчера главной ее мечтой было вернуть жизнь Цою, который безрассудно погиб от любви к ней. А сегодня она даже не рада, что Цой здесь. Так, надо с ним поговорить. Или сначала рвануть к Труготу в поисках Анжело? А вдруг его там нет? А вдруг он там есть, но при этом откажется ее узнавать? Станет вести себя, как ее родители. Будет молчать и глупо тарашиться, как Фил. Объявит чокнутой, как баба Люба. Она этого просто не перенесет. Значит, начнем с Цоя. С ее верного рыцаря и Стража. Даже если он ничего не помнит, он ведь все равно любит ее. Или уже нет?

– Цой, привет!

– Хай, Вик. – Цой был бодр. – Мы тут с Ваню по Невскому гоняем. Звонили те. Была вне зоны. Пришла в себя?

«Хороший вопрос». – Вики даже призадумалась на секунду, в себя ли она пришла?

– Может, зайдете ко мне?

– Слушай, мы уже в «Якиторию» зашли. Роллы заказали. Может, ты к нам?

– Не, не могу. У меня тут дела по дому. Цой, ты только не пугайся, ответь мне на простой вопрос: «Где сейчас Анжело?»

Цой нервно засмеялся. Было слышно, что он зажимает микрофон в телефоне.

– Опять гонит, – услышала Вики и поняла, что это сказано Ване.

Ей стало страшно обидно.

– Слушай, Вик. – Трубку взял ее лучший друг Иван Гамелянский. – Цой чего-то никак не впилил в твой новый прикол. Может, мне объяснишь, в чем фишка?

– Фишка в том, что нам троим нужно серьезно поговорить, – сказала Вики таким тоном, что Ваня наверняка сразу осознал свою ошибку и понял, что она вовсе не прикалывается.

– О'кей, – сказал Крысолов (хотя Вики уже очень сомневалась, можно ли его так называть), – вечером заедем к тебе. Заодно подарочек тебе новогодний передам. Первый Новый год с шестого класса не вместе встречали.

«Да уж, и Ваню, похоже, накрыло», – констатировала девочка. Она вдруг перестала расстраиваться. Видимо, наступил некий эмоциональный предел. Наоборот, даже появился азарт дойти до дна искривления реальности, понять, насколько все плохо.

Ваня считает, что провел Новый год не с ней. Замечательно. Значит, она раскапывала и закапывала могилу Цоя с фантомом Вани. Есть еще вариант – ей приснилась ее жизнь в

течение последних трех месяцев, пока она спала в поезде по дороге в Питер. Чем не вариант? Унылый и тухлый. Прямо как взгляд Фила сейчас. Может, не кормить Магистра, пока он не перестанет издеваться и не заговорит с ней? Раньше его было не заткнуть. Ладно, черт с ним. Не до Фила ей. Сон – последний вариант, который она будет принимать в расчет. Хотя нет, последний вариант – сумасшествие. Именно свести ее с ума и хотят враги. Те, кто не хочет, чтобы королева Виктория села на трон и вернула в мир справедливость. Те, кто украл ее магию, ее жизнь. Пойдите-ка! Украл жизнь...

«Вспышка! Фотоаппарат на станции! Вот когда это случилось!» Вики поразились, как это она не догадалась раньше. В памяти всплыла их первая поездка с папой в Египет. Они бродили по жаркому, душному Порт-Саиду, и десятилетняя любопытная Вики беспрестанно щелкала фотоаппаратом.

– Только людей не снимай, – строго сказал утомленный чудовищной жарой профессор, – а то нас побьют.

– Почему? – удивилась Вики.

– Они верят, что фотоаппарат может отнять их душу.

Отнять душу? Отнять личность? Дикие люди. И вот теперь Вики на полном серьезе рассуждала, могла ли яркая вспышка фотоаппарата на перроне вокзала в Выборге украсть ее жизнь.

«Не знаю, как насчет личности, но привычное лицо у меня точно отняли. А что олицетворяет личность, если не лицо человека? Так, это я уже в какие-то филологические дебри забралась, подумала Вики, а мне, наоборот, выбираться надо. Анализировать, искать ветки истины, которые вытянут меня из трясины лжи».

«Что точно поменялось в моем мире?» – рассуждала Вики. В него вернулись те, кого она похоронила. Если Цой и Мотя на месте, не значит ли это, что Шкатов тоже может объявиться здесь и «по старой дружбе» ответить на ее вопросы? Ведь перед тем, как выстрелить в нее из парабеллума Зверя, лихой майор вроде как даже признавался ей в любви и преданности и сулил рассказать что-то важное... Вот пусть и расскажет. Сложный он все-таки был тип: влюбленный в нее маньяк, штатный ассасин ордена, марионетка в руках бабы Любы, преданный воин-витчхантер, убийца Цоя. Ну, раз последний жив, можно попробовать забыть об этом. К тому же кто сказал, что Шкатов вернулся? Ведь от него остались одни ботинки. Но проверить можно.

Во всяком случае, в сидении дома не было совершенно никакого смысла. И Вики отправилась на улицу Чехова в знакомое отделение полиции.

Погода для января стояла вполне приличная. Ветра почти не чувствовалось, небо было синее, высокое, и даже солнце в нем присутствовало, хотя и ни фи́га не грело. Градусов десять питерского мороза из-за высокой влажности кусались по ощущениям как все двадцать, но это только бодрило Вики. Это был ее Питер, ее январь. В метро и на улицах никто не обвинял ее в безумии, все было знакомо и привычно, и девочка немного успокоилась.

«Естественно, мне скажут, что майор Шкатов героически погиб на боевом посту, защищая город от маньяка», – думала Вики, сворачивая с широкой улицы Жуковского на коротенькую улицу Чехова. О том, как на самом деле погиб Шкатов, Вики предпочитала не вспоминать. Она не гордилась своим подвигом.

Небо над улицей Чехова было сплошь перечерчено пересекающимися проводами. Все к ним привыкли и не обращали никакого внимания, а Вики впервые подумала, что это дополнительная нервная система города. Ей бы тоже сейчас дополнительные нервы не помешали.

– Здравствуйте, я к майору Шкатову по делу.

Скучающий щекастый дежурный без вопросов пропустил ее внутрь. Даже паспорта не спросил, только лениво поправил:

– Не к майору, а к капитану. Знаете, куда идти?

Вики кивнула. Сделала пару шагов вперед и сразу замерла.

Она знала, куда идти, и совершенно не хотела этого делать. Перед глазами стояла обожженная рука ассасина с ножом, приставленным к горлу Цоя...

– Девушка, вы в порядке?

Вики опять кивнула и заставила себя подняться на последний этаж.

«Один раз я с ним уже справилась, так что пусть он меня боится!»

Подниматься на чердак к Шкатову не пришлось. Он курил на лестнице. Взгляд его внимательных глаз лениво скользнул по Вики и, не меняя выражения, вернулся в зарешеченное окно.

– Привет, Шкатов, – не своим чересчур высоким голосом выдавила из себя Вики, – как жизнь ассасинская?

– Чем обязан? – Шкатов, не выпуская сигарету изо рта, смерил наглую малявку недобрым взглядом.

Вики молчала, решив устроить с ним дуэль взглядов. Этими глазами она уже превращала его в кучку пепла: может, повторить? Но Шкатов не стал играть с ней в гляделки.

– Извините, что-то не могу припомнить, кто вы. Мы знакомы? Вы чья-то дочь?

– Ага, – злорадно подмигнула ему раздухарившаяся Вики, – правой руки ордена Уробороса. Хорош прикалываться, Шкатов. Я все про тебя знаю, маньячина!

На мужественном лице полицейского не дрогнул ни один мускул. Он достал айфон из кармана и стал набирать номер, не глядя на грозно пытящую Вики.

– Семенов, ты что там, спишь, что ли? А как ты тогда пропустил ко мне эту сдвинутую пигалицу? Вот давай поднимайся и выпроваживай ее! А это не мои проблемы!

Убрав телефон, Шкатов многозначительно посмотрел на Вики:

– Я сегодня добрый. У тебя есть десять секунд, чтобы уйти самостоятельно. Мы даже на наркотики тебя не будем проверять.

Вики поперхнулась гневом. Но что поделать? К сожалению, поведение Шкатова полностью укладывалось в матрицу последних бредовых событий. «Чистильщик» Шкатов воскрес, как Цой и Мотя, и теперь принимал ее за сумасшедшую, как и родители. Или притворялся, как они. Надо ломать эту тенденцию. Ишь, стоит гад, улыбается, глядя, как ее распирает от негодования! И Вики прорвало странной импровизацией:

– Свяжи меня со Зверем, Шкатов! Со своим московским начальником Зверским свяжи. У меня для него есть срочная информация. Создатель вернулся и хочет уничтожить Древних. Всех Древних без разбора.

Шкатов помрачнел. Голливудскую улыбку словно тряпкой стерли с прямоугольной доски его лица. Он даже снова перешел на вы:

– Что еще за шутки? Кто вы такая? – Стало видно, как от напряжения обозначились скулы ассасина.

– Я же сказала, Шкатов, я все знаю! Так что, свяжешь меня со Зверским?

Но ответа на вопрос Вики не дождалась. Дежурный Семенов подло подкрался к ней сзади. Оценив обстановку, он без лишних слов крепко обхватил, поднял и понес по лестнице вниз отчаянно сучащую в воздухе ногами девочку.

Несмотря на ожесточенное сопротивление Вики, щекастый полицейский вынес ее на улицу и, не стесняясь прохожих, дотащил до угла с улицей Некрасова, где и поставил у помятой водопроводной трубы.

– Иди домой, девочка. Прощаю тебя только ради Нового года. Ну и потому, что мне лень рапорт писать. Еще раз сюда придешь, я тебя арестую за хулиганство! – тяжело отдуваясь, сказал Вики на прощание дежурный Семенов и пошел нести свою вахту дальше.

Публично униженная королева витчхантеров в состоянии аффекта попыталась превратить удаляющегося полицейского в хомячка, но у нее уже привычно поплыли круги перед глазами. Пришлось обняться с трубой.

– Может, тебе «скорую» вызвать, милая?

Рядом с Вики остановилась добросердечная старушка, замотанная в теплый пуховый платок.

– Спасибо. Все в порядке.

Девочка оттолкнулась от трубы и побрела по улице Некрасова, не понимая, куда направляется. Все вокруг вызывало у нее неприятные ассоциации. Слева позади остался Большой театр кукол – красивое здание в стиле модерн. Вики не раз бывала там на замечательных представлениях. А сейчас она сама ощущала себя куклой в чем-то большом инфернальном театре. Ей казалось, что кто-то с удовольствием наблюдает за ее злоключениями, дергая за ниточки и озвучивая всех ее знакомых.

«Прогуляюсь-ка я до башни Иванова, – решила она. – Есть у меня такое подозрение, что Лера Зомби должна быть дома. Надо убедиться, что с ее Кошкой все в порядке».

И она пошла к Таврическому саду, двигаясь по Некрасова до района, который издавна назывался Песками. «Песок – это моя жизнь, что сыплется у меня сквозь пальцы, – печально думала Вики, бредя по промерзшим улицам. – Мой мир рассыпается у меня на глазах, словно песочная скульптура на берегу моря. Я «девочка в песках» в лапах у какого-то местного злобного Кобо Абэ»²

² Кобо Абэ – известный японский писатель, автор романа «Женщина в песках».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.